АВГУСТЪ. 1913.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, 21.
1913.

СОДЕРЖАНІЕ:

время ожесточенно боролся съ лѣвыми газетами, если они сюда проникали (469).

— Что мнѣ ваше евангеліе!—крикнулъ какъ-то г. Жиркевичу одинъ заключенный (изъ запасныхъ солдатъ).—Дома мои щенята пухнутъ съ голоду... Жена извелась... Дайте лучше имъ хлѣба. А евангеліе... (49).

Но и этотъ вопль не вразумилъ г. Жиркевича на счетъ того, во имя чего дѣйствуютъ „освободители", что привело въ движеніе „сознательныхъ товарищей". Онъ продолжалъ навязывать иконки и евангелія людямъ, которыхъ вели на висѣлицы.

Не даромъ г. Жиркевичъ дослужился до генерала, не напрасно онъ оставался такъ долго въ рядахъ правящей бюрократіи. Онъ сроднился съ тѣмъ строемъ, для охраны котораго ставились на его глазахъ висѣлицы, сроссясъ нимъ, являлся его слугой и опорой!

Когда слишкомъ ужъ много появилось вокругъ него „блѣдныхъ, холодныхъ, словно упрекающихъ, призраковъ тѣхъ, кто былъ казненъ" (281), онъ, какъ добрый человѣкъ, наконецъ, не выдержалъ. Вскорѣ послѣ назначенія его судьей, онъ ушелъ въ отставку, сославшись на болѣзнь сердца. „На самомъ дѣлѣ--говоритъ онъ — болѣзнь заключалась не въ расширеніи его, ожирѣніи и склерозѣ сосудовъ, а въ томъ, что въ духовной части этого уставшаго сердца утратилась вѣра и царилъ ужасъ" (333).

Его доброе сердце не выдержало... Но своей мыслью онъ такъ и не понялъ, что дѣло не въ людяхъ, а въ учрежденіяхъ, въ цѣломъ строѣ ихъ, которому онъ такъ долго служилъ и которому до сихъ поръ остается вѣренъ.

О „пасынкахъ" онъ болѣлъ, ихъ судьбу хочется ему улучшить. Но для этого есть только одно вѣрное средство: нужно, чтобы у русскаго народа въ лицѣ государства мать была, а не мачеха.

А. Пѣшехоновъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Рабочее движеніе и его фундаментъ. — 2. Стихійность движенія.—3. Кто организуетъ и направляетъ? — 4. Нѣсколько словъ о народной интеллигенціи.—5. Окончаніе законодательной сессіи. „Всѣ недовольны".—6. Органическіе и организаціонные пороки 3 іюня въ IV Думѣ.

Высокая волна лѣтняго вообще рабочаго и, въ особенности, забастовочнаго движенія... Охвачены крупнѣйшіе центры: московскій, петербургскій, лодзинскій, бакинскій районы. Охвачены отдѣльные крупные по промышленному значенію пункты: Рига, Чіатуры, Николаевъ, Вильна, Кинешма, Харьковъ, Кіевъ, Грозный и т. д. Захвачены и просто многія мѣста, гдѣ есть промышленность и ра-

бочіе: Симбирскъ, Владикавказъ, Чита, Новочеркасскъ, Иркутскъ, Оренбургскій уѣздъ... Перечень только географическихъ названій занялъ бы много мѣста. И, несомнѣнно, о многихъ забастовкахъ свѣдѣнія не проникаютъ въ печать. Кромѣ забастовокъ, есть и другія формы рабочаго движенія. Но о нихъ свѣдѣнія и вовсе скудны... Точный учетъ размѣровъ, разумѣется, невозможенъ. По общему же глазомѣрному впечатлѣнію, пресса, видимо, не безъ основанія считаетъ ихъ близкими къ „рекорднымъ" цифрамъ 1903, 1904 и 1906 гг. 1905 годъ, конечно, стоитъ внѣ сравненій.

Отмѣчается прессою и другая черта: оставаясь по преимуществу движеніемъ рабочимъ, оно имѣетъ тенденцію, такъ сказать, выливаться наружу, — выходить изъ пролетарскихъ береговъ, захватывать болѣе широкіе слои населенія. Подчеркну: *только тенденція*. Но она опредѣленно чувствуется, а порою и воплощается въ конкретныя формы. Укажу хотя бы на явленія, возникшія въ связи съ забастовкой приказчиковъ знаменитой сибирской фирмы Второва. Забастовка происходила одновременно въ цѣломъ рядѣ городовъ, гдѣ эта фирма имѣетъ магазины. И вездѣ бастовавшіе были и морально, и матеріально поддержаны населеніемъ. Не только приказчиками другихъ фирмъ и служащими другихъ типовъ; и не только интеллигенціей; это—обычно. Поддержку оказывали и просто обыватели, — „совсѣмъ посторонняя публика". И, видимо, не вся она принадлежитъ къ „бѣднымъ сословіямъ". Отъ отдѣльныхъ лицъ поступали, напр., „крупныя денежныя пожертвованія" въ пользу бастующихъ; „одно пожертвованіе равнялось 4.000 р." [1]... Цифра, очевидно, не демократическая... Поддерживали не только деньгами.

Отъ очень многихъ лицъ поступали заявленія о бойкотѣ ими второвскихъ магазиновъ. Постоянные покупатели во многихъ городахъ предлагали бастующимъ столъ и квартиру безплатно („Русское Слово", 21. VI).

Это вообще. А, чтобы дать нѣкоторое представленіе о частностяхъ, приведу отрывки изъ суточнаго газетнаго отчета о забастовкѣ (напечатаннаго „Сибирской Жизнью" 22 мая).

Иркутскъ. Сочувствіе мѣстнаго общества и другихъ городовъ держится на прежней высотѣ. Поступившія пожертвованія превышаютъ 3.000 р. Продолжается помощь квартирой, столомъ и проч.

Чита. Нельзя не отмѣтить враждебнаго отношенія къ штрейкбрехерамъ со стороны мѣстной публики, которая послѣ закрытія пассажа Второва встрѣтила ихъ на улицѣ свистками и криками. Уполномоченные бастующихъ вынуждены были особымъ письмомъ въ редакцію „Забайкальской Нови" заявить, что они не участвовали въ этой демонстраціи протеста и просятъ своихъ товарищей и читинскую публику не прибѣгать къ такимъ крутымъ мѣрамъ противъ штрейкбрехеровъ.

---

[1]) „Русское Слово", 21. VI.

Срѣтенскъ. Мѣстное общество совершенно опредѣленно выразило свое сочувствіе въ видѣ пожертвованій, отчисленій и другихъ видовъ помощи. Напр., двѣ постоянныя покупательницы Второва уступили двумъ семейнымъ служащимъ квартиры въ безплатное пользованіе на все время забастовки; артельщикъ одной торговой фирмы предоставилъ столъ для двухъ служащихъ и т. д.

Сочувствіе и поддержка общества были не настолько велики, чтобы администрація не могла уравновѣсить ихъ своимъ содѣйствіемъ предпринимателю. Упорство бастующихъ удалось сломить при помощи штрейкбрехеровъ (не даромъ изъ-за нихъ вышли отмѣченныя пререканія). Однако сочувствіе общества было не такъ ужъ ничтожно, а, главное, оно проявлено активно. Движеніе нашло отзвукъ, не осталось чисто групповымъ, приказчичьимъ.

Это въ городахъ. Приведу на справку „деревенскій случай". Съ конца весны нынѣшняго года значительныхъ размѣровъ достигло рабочее движеніе въ Тверской губерніи, мануфактура которой разбросана въ значительной мѣрѣ по сельскимъ мѣстностямъ. И вотъ въ одномъ изъ селъ (верстахъ въ 10 отъ Твери) на праздникъ Вознесенья (23 мая) произошло слѣдующее:

На площадь передъ церковью собралось около 1.000 человѣкъ — мѣстныхъ фабричныхъ рабочихъ и *крестьянъ*. Было произнесено нѣсколько рѣчей. Затѣмъ выкинули красный флагъ и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двинулись по площади... Никакихъ инцидентовъ не возникало, если не считать избіенія одного подозрительнаго субъекта, въ которомъ заподозрили сыщика. Толпа разошлась, когда пошелъ дождь. Къ оставшейся небольшой группѣ, человѣкъ въ 100, подошелъ урядникъ со стражникомъ и просилъ прекратить пѣніе и убрать флаги, что и было исполнено. („Русская Молва", 29. VI).

Движеніе выливается изъ пролетарскихъ береговъ. И въ то же время оно сливается съ цѣлымъ рядомъ движеній въ другихъ группахъ. Даже если взять собственно забастовочную форму, то и она охватываетъ довольно разнообразные слои населенія. Бастуютъ фабрично-заводскіе рабочіе и торговые служащіе. Бастуютъ отсталыя и „полупролетарскія" трудовыя группы: черноморскіе грузчики (въ Поти), кирпичники (въ Грозномъ), таскальщики лѣса (въ Царицынѣ), строительные рабочіе (въ Новочеркасскѣ, Минскѣ). Бастуютъ извозчики (при участіи владѣльцевъ лошадей и экипажей, напр., въ Кіевѣ, Житомирѣ, Ригѣ). Бастуютъ даже монахи Михаило-Аѳонской пустыни (верстахъ въ 40 отъ Майкопа),—іеромонахи, іеродіаконы и послушники отказались совершать службы впредь до удовлетворенія ихъ требованій: улучшеніе пищи и одежды и вѣжливое обращеніе[1]). Попытался забастовать епархіальный съѣздъ въ Самарѣ „послѣ цѣлаго ряда конфликтовъ съ епископомъ" [2]). Въ Пятигорскѣ даже полицейскіе пристава

[1]) „Утро", 1 іюля и 3 іюля.
[2]) „Русское Слово", 2 іюля.

заявили атаману отдѣла, что они отказываются дальше исполнять свои обязанности, когда начальникъ области сократилъ содержаніе полиціи и распорядился уволить нѣкоторыхъ писарей („Русское Слово", 28. VI).

Словомъ, забастовочное движеніе становится, хотя и пролетарскимъ по преимуществу, но не только пролетарскимъ, оно въ значительной степени также крестьянское, вообще трудовое, а сверхъ того, „всякое",—движеніе всякихъ группъ населенія, или, по крайней мѣрѣ, самыхъ разнообразныхъ. При чемъ забастовочное движеніе надо учитывать не только какъ фактъ, но и какъ тенденцію, какъ предрасположенность къ этому средству борьбы,—предрасположенность даже въ такихъ мѣстахъ, которыя для забастовокъ не совсѣмъ подходятъ. Въ этомъ и показательное значеніе такихъ эпизодовъ какъ: забастовки монаховъ, полицейскихъ приставовъ и т. д... Носится, стало быть, въ воздухѣ нѣкій микробъ.

Особенно характеренъ въ нынѣшнемъ подъемѣ фундаментъ. И мнѣ кажется полезнымъ нѣсколько систематизировать имѣющіяся относительно него свѣдѣнія и сужденія.

Основная причина всѣхъ движеній, конечно,—недовольство. На сей разъ недовольство особое,—не только острое, но и общее. Въ двухъ смыслахъ общее. Во-первыхъ, недовольство не однѣми частностями (низкой оплатой труда, обиднымъ обращеніемъ и проч.), но и общими условіями, какъ собственно экономическими, такъ и политическими: судъ надъ матросами—забастовка, преслѣдованія противъ рабочей печати—забастовка, и т. д. Во-вторыхъ, это—недовольство не какихъ-либо отдѣльныхъ группъ, а почти всѣхъ, даже монаховъ. Напоминать подробно, какія именно общія условія раздражаютъ страну, — не буду. Но вотъ нѣкоторыя конкретныя выраженія и послѣдствія одного изъ основныхъ недуговъ нынѣшняго лихолѣтья.

Забастовка въ Михаило-Аѳонской пустыни. Первыя извѣстія о ней производятъ нѣсколько, смѣшное впечатлѣніе". Въ числѣ прочихъ посмѣялось надъ этимъ и „Новое Время", и не безъ политическаго ехидства посмѣялось: оказывается, дескать, не одни министры,—и монахи забастовку пріемлютъ. Но затѣмъ корреспонденты газетъ побывали въ названномъ монастырѣ и установили слѣдующее. Монахи многократно безпокоили начальство жалобами на непорядки, на отсутствіе необходимѣйшей одежды, на „отвратительную пищу" и т. д. Въ концѣ концовъ, братія добилась назначенія ревизіи. Ревизіей жалобы подтвердились. Настоятель пустыни архимандритъ Амвросій былъ уволенъ. Назначило начальство новаго настоятеля—Фотія. Казалось бы, положеніе братіи должно улучшиться. Но новый настоятель сохранилъ всѣ прежніе порядки, а всякое выраженіе недовольства сталъ карать собственноручнымъ нанесеніемъ побоевъ, ранъ и смертельныхъ увѣчій:

Избилъ восьмидесятилѣтняго старика-іеромонаха, пробилъ коломъ голову послушнику, перебилъ палкой поясницу мальчику („Утро" 8, VII).

Братія снова пыталась жаловаться. Но ни отъ своего духовнаго начальства, ни даже отъ властей, обязанныхъ пресѣкать прямыя уголовныя преступленія, почему-то защиты не получала. Тогда и была монахами объявлена забастовка. Такова, по газетнымъ свѣдѣніямъ, послѣдовательность событій. Думаю, нѣтъ нужды доказывать, что таковою она бываетъ не только въ монастыряхъ Общій фатальный порокъ эпохи, создавшей лозунгъ: „ставка на сильныхъ",—систематическое игнорированіе соображеній разума. закона, справедливости, человѣчности, стремленіе сложнѣйшіе вопросы общежитія рѣшать „такъ же, какъ въ Бодайбо", методами каменнаго вѣка—коломъ по головѣ. И это не только въ захолустьяхъ. Даже на Аѳонѣ, т. е. все-таки заграницей, на виду у Европы, не невѣдомый Фотій, а полномочный делегатъ всероссійскаго святѣйшаго синода архіепископъ Никонъ, посланный въ „русскія" (по національности) обители увѣщевать иноковъ, показалъ, какъ надо по-нашему поступать:

...Пантелеймоновскихъ отцовъ... обливали въ корридорѣ цѣлый часъ изъ пожарной трубы холодной водой, а потомъ жестоко избили.

Расправившись съ монахами, стоявшими въ коридорѣ въ рясахъ, наметкахъ, съ иконами и крестами въ рукахъ, прибывшій отрядъ желѣзными палками взламывалъ двери въ келіи и вытаскивалъ оттуда монаховъ, бросалъ ихъ съ лѣстницы внизъ съ крикомъ: „мы вамъ покажемъ, какъ не повиноваться начальству".

Не щадили и іеромонаховъ. Такъ, напр., іеромонаха Николая Иванева, стоявшаго въ корридорѣ съ иконою Божіей Матери, схватили за епитрахиль, сбили съ ногъ и таскали по всему корридору, пока онъ не лишился чувствъ... Кромѣ избитыхъ иноковъ, оказалось 40 человѣкъ раненыхъ съ разбитыми головами и 5 человѣкъ съ штыковыми ранами и порѣзами... (изъ письма архимандрита Давида, бывшаго настоятелемъ Андреевскаго скита; напечатано въ „Голосѣ Москвы", 25. VII).

Представить только: стоятъ иноки съ крестами и иконами, а ихъ изъ пожарной кишки водой поливаютъ... Даже штыками пыряли. И это называется мѣрами духовно-нравственнаго увѣщанія... Монахи на Аѳонѣ (вѣрнѣе, часть монаховъ) впали, видите ли, въ „слововѣрную ересь",—такъ вотъ церковная власть и объясняла имъ, въ чемъ состоитъ ихъ заблужденіе... И это, повторяю, не только между властью и подвластными; не только въ политикѣ, въ отношеніяхъ публично-правовыхъ и экономическихъ. Зараза проникла глубоко до корней, отравила даже бытовыя, даже семейственныя отношенія.

Напомню хотя бы только слѣдующее: вслѣдствіе обще извѣстной аграрной политики, сложилось одно изъ характерныхъ явленій нынѣшняго деревенскаго быта; вначалѣ отцы „взяли верхъ"—воспользовались „новыми правами", укрѣпили за собою семейную собственность, и многіе „благополучно пропили" ее; послѣ множества такихъ примѣровъ дѣти „нашли способъ", и иные

сыновья уже съ 16—17 лѣтъ начинаютъ „бастовать“, говорятъ отцу напримѣръ:

—Знаемъ мы васъ,—я на тебя работай, а потомъ ты, можетъ, съ сударушками все добро пропьешь...

— Запиши имущество матери, либо вексель ей дай, тогда и работу спрашивай. Маменька-то насъ, дѣтей своихъ, чай, не обидитъ. А отъ тебя мало-ль что станется...

— Все, значитъ, добро твое, а я тебѣ деньги съ фабрики присылай?.. Знаемъ мы эту пѣсню. Достаточно научены...

Словомъ, изъ мелкихъ семейныхъ „дрязгъ“ складывается цѣлое семейственное движеніе дѣтей (поддерживаемыхъ нерѣдко матерями) противъ власти отцовъ, вооруженной новыми законами, и въ защиту семейной собственности. Каждый сынъ „забастовщикъ“ преслѣдуетъ обыкновенно чисто личныя цѣли. Задѣтыя въ немъ чувства высшаго порядка остаются какъ бы въ тѣни. Но въ цѣломъ данное движеніе отнюдь не личное дѣло сыновей, а важный государственный вопросъ, и не борьба собственно противъ отцовъ, а противъ одного изъ основныхъ пунктовъ ставки на сильныхъ въ аграрной политикѣ,—противъ декретивнаго упраздненія исторически сложившихся правъ семьи на создаваемое ея коллективными трудами имущество.

Я остановился лишь на одной детали. Ихъ много, такихъ деталей. Вернемся однако къ одному изъ наиболѣе общихъ послѣдствій заразы, отравившей всю жизнь: доведенная до крайнихъ предѣловъ безнаказанность однихъ и дошедшая до столь же крайнихъ предѣловъ беззащитность другихъ. Едва-ли можно найти сейчасъ въ Россіи много людей, которыхъ Богъ хранитъ отъ столкновенія съ конкретными послѣдствіями этого бѣдственнаго начала. Даже монаховъ не помиловалъ Господь. Даже въ монастыряхъ исчезъ миръ и водворились безконечныя „исторіи“, волненія, пререканія, изъ которыхъ складывается нынѣ своеобразное монашеское движеніе. Первѣйшіе сановники не спасаются отъ столкновеній съ конкретными послѣдствіями гибельнаго соціально-политическаго начала. Самъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта М. Г. Акимовъ, судя по газетнымъ отношеніямъ, подвергся въ поѣздѣ натиску какого-то жандармскаго ротмистра... Г-ну Акимову въ кои-то вѣки пришлось. Для простого смертнаго подобныя приключенія—дѣло обыкновенное, почти повседневное. Г. Акимовъ отбилъ атаку легко: предъявилъ свою визитную карточку, и храбрый ротмистръ запросилъ пардону. Но для простого смертнаго отбиться не только отъ ромистра, но и отъ стражника, даже отъ сторожа въ панскомъ лѣсу вовсе не легко и не просто. А отбиваться надо, иначе жить нельзя. И отбиваются люди, — живутъ какъ бы въ условіяхъ партизанской борьбы за элементарнѣйшія, признаваемыя закономъ личныя и имущественныя права. А это ужь извѣстно: стоитъ лишь даже неразвитому человѣку сту-

пить на этотъ путь,—политическое воспитанiе получается очень быстро. Укажу хотя бы на тѣхъ же монаховъ: начинаютъ пререкаться изъ-за разныхъ мелочей повседневнаго обихода, а доходятъ напр., въ Бѣлобережской пустыни (Орловской губ.), судя по даннымъ, опубликованнымъ въ „Голосѣ Москвы",—до 103 и 128 статей Уголовнаго Уложенiя.

Приходитъ наниматься на фабрику крестьнскiй парень. По прежнимъ временамъ, онъ —„желторотая деревня", которая „ничего не понимаетъ". По нынѣшнимъ временамъ, онъ уже прошелъ нѣкую школу: если не „басовалъ" и не бастуетъ противъ отца, то отъ кого-нибудь отбивался, обстрѣлянъ, получилъ кой-какое политическое воспитанiе. И, на фабрикѣ работая, онъ будетъ вынужденъ отбиваться—отъ фабричной стражи, отъ десятниковъ, надсмотрщиковъ, вообще отъ всѣхъ, кто пожелаетъ что-либо извлечь изъ его беззащитности. И, если дѣло дойдетъ до выступленiя толпой,—положимъ, до забастовки—толпа эта составится изъ людей, уже нюхавшихъ порохъ, получившихъ партизанскую выучку. А постороннiе люди, не входящiе въ данную толпу, „и безъ словъ понимаютъ", во имя чего она движется и чего въ сущности хочетъ.

Сами по себѣ большiя забастовочныя волны — не новость въ Россiи. Но даже въ 1905 г., въ самые рѣшающiе моменты всеобщихъ забастовокъ въ основныхъ массахъ населенiя было много недоразумѣнiй:

— Въ чемъ дѣло? почему? изъ-за чего? какiе такiе забастовщики? Чего имъ нужно?

Повидимому, это отошло, отпало. Движенiе не опережаетъ подготовку массъ къ нему. Скорѣе, оно отстаетъ отъ нея. Въ массахъ замѣчаются недоумѣнiя уже противоположнаго свойства:

— Это что... Ничего изъ этого не выйдетъ... Кабы побольше...

II.

Обыкновенно подъемъ массовыхъ движенiй совпадаетъ съ подъемомъ надеждъ чего-то достигнуть, хотя бы и цѣною тѣхъ тяжелыхъ жертвъ, съ какими сопряжены, напр., забастовки. Нельзя однако сказать, что въ нынѣшнемъ подъемѣ есть эти надежды. Достаточно вспомнить политическiя забастовки протеста. Онѣ довольно многочисленны. Но въ смыслѣ непосредственныхъ результатовъ явно безнадежны. „Не тѣмъ пахнетъ", чтобъ протесты были услышаны и приняты во вниманiе. Наоборотъ, многое вынуждаетъ думать, что они будутъ не приняты во вниманiе нарочно, съ намѣренiемъ доказать и подтвердить, что „протестами ничего не достигнешь"... Далѣе, подъемъ движенiя совпадаетъ съ чрезвычайнымъ ростомъ эмиграцiи, достигшей небывалыхъ размѣровъ. Само „Новое Время" встревожено тѣмъ, что даже „коренное", „русское" населенiе бѣжитъ изъ Россiи. Въ печати достаточно

объяснялась и иллюстрировалась главная причина бѣгства: нѣтъ сколько-нибудь сносныхъ условій жизни и нѣтъ надежды, что они скоро будутъ. Одновременно съ ростомъ организованнаго забастовочнаго движенія наблюдается усиленное стихійное бѣгство съ работъ. Бѣгутъ съ „Амурки“, бѣгутъ съ донецкихъ шахтъ. Бѣгутъ изъ Николаева. Бѣгутъ сельскохозяйственные рабочіе... Говорятъ, это явленіе также достигло небывалыхъ размѣровъ. Печатью давно доказано, что бѣгство рабочихъ обыкновенно вызывается невыносимыми условіями труда. Періодически это признавалось и подтверждалось офиціальными учрежденіями. На примѣрѣ ленскихъ рабочихъ мы однако знаемъ, что дѣло не только въ невыносимыхъ условіяхъ. Пока была надежда добиться измѣненія условій къ лучшему, рабочіе не убѣгали повально, а боролись, неся огромныя для нихъ жертвы и терпя невѣроятныя лишенія. А, когда исчезла надежда, тогда, дѣйствительно, почти поголовно убѣжали. Не въ томъ лишь дѣло, что условія невыносимы. Хуже всего, что сколько-нибудь выносимыхъ условій не дождешься и не добьешься.

Это общее положеніе требуетъ, конечно, нѣкоторыхъ оговорокъ. По крайней мѣрѣ, въ сельско-хозяйственномъ быту рабочіе не всегда бѣгутъ только вслѣдствіе безнадежности чего-либо достигнуть. Иногда бѣгство есть обдуманный способъ борьбы. Общеизвѣстно, что значитъ объявить, положимъ, забастовку въ землевладѣльческой экономіи. Немедля явятся усмирители. Съ самими забастовщиками церемониться не станутъ. Сверхъ того, переворошатъ цѣлую волость ради устрашенія и въ цѣляхъ розыска подстрекателей. Но, если одна за другой партія рабочихъ просто разбѣгаются, не предъявляя формально требованій, то усмирители „ничего не могутъ—крѣпостныхъ нынче нѣтъ“. Между тѣмъ помѣщичья экономія, испытавъ неудобства слишкомъ текучаго состава рабочихъ и слишкомъ частыхъ заботъ о наймѣ ихъ, поневолѣ повышаетъ плату, вводитъ хоть кое-какія улучшенія. Въ сельскихъ мѣстностяхъ стихійное на первый взглядъ бѣгство является порою въ сущности особымъ видомъ забастовки, требующимъ большого сознанія, солидарности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и организаціи. Точно также не только по стихійнымъ причинамъ „мужики“ не идутъ работать къ „своему барину“, предпочитая уходить въ чужія стороны. Иногда это организованный и лишь не объявляемый открыто бойкотъ. Секретъ опять-таки въ безоглядныхъ репрессіяхъ. Бойкотъ гласный, объявленный разсматривается начальствомъ, какъ „политическое дѣло“; на него отвѣчаютъ обычными розысками, натискомъ на организацію, экзекуціоннымъ взысканіемъ податей и недоимокъ (мѣра, побуждающая отказаться отъ бойкота). Но, если ничего не объявлено, мотивы надлежаще скрыты, то политическаго дѣла нѣтъ, а есть просто „лѣнивые“ мужики, „лежебоки“, которые хоть и голодаютъ, а „работать не хотятъ“... Моральное значеніе бойкота при этомъ почти исчезаетъ. Но мате-

ріальная цѣль нерѣдко достигается; экономія оказывается вынужденной согласиться, по крайней мѣрѣ, на болѣе значительную оплату труда, чѣмъ предполагалъ владѣлецъ... Эти особыя формы по преимуществу сельско-хозяйственнаго рабочаго движенія, несомнѣнно, существуютъ. И есть основанія думать, что примѣненіе ихъ не сокращается, а расширяется. Вообще броженіе и въ селахъ растетъ. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — напр., въ Черниговской губерніи,—судя по газетнымъ свѣдѣніямъ,—крестьянское море очень неспокойно. И все-таки, если несмѣтныя толпы народа срываются и бѣгутъ, бѣгутъ порою за многія тысячи верстъ,—даже на гиблую Лену, даже на Гавайскіе острова, то въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ это происходитъ не во исполненіе какого-либо плана и замысла. Это—отчаяніе бѣжитъ. Отчаяніе въ смыслѣ отсутствія надежды устроиться сколько нибудь сносно дома.

Всѣмъ убѣжать нельзя. Конечно, большинство старается возможно споснѣе устроиться на мѣстѣ осѣдлости. Это и есть практическая цѣль трудной, рискованной, сопряженной съ большими жертвами борьбы... Но, если даже борьба предпринимается, то отсюда не слѣдуетъ, что имѣется много надеждъ на ея практическіе результаты. Цифры-то такія (по даннымъ общества заводчиковъ и фабрикантовъ московскаго промышленнаго района), напр., за вторую половину 1912 г.: въ московскомъ районѣ изъ числа бастовавшихъ по экономическимъ причинамъ потерпѣли пораженіе 36750, добились полнаго или частичнаго успѣха 10670; въ петербургскомъ районѣ—потерпѣли пораженіе 22150, добились полнаго или частичнаго успѣха 9660... Да и безъ цифръ ясно, что наши забастовки начинаются чаще всего на ура,—безъ легальной организаціи, безъ фонда, безъ элементарнѣйшихъ правовыхъ гарантій, а имѣть дѣло приходится съ организованными предпринимателями, къ услугамъ которыхъ всевозможное содѣйствіе государственной власти. Откуда тутъ быть надеждѣ? Тутъ скорѣе умѣстно то же чувство, съ какимъ люди бѣгутъ въ Аргентину или закабаляются на Гавайскіе острова:

— Все равно ужъ... Хуже не будетъ.

Выше я отмѣтилъ нѣкоторые особые виды сельско-хозяйственнаго рабочаго движенія. Оно, повторяю, достигаетъ иногда практической цѣли. И, быть можетъ, нерѣдко достигаетъ. Но позвольте привести еще одну цифровую справку. Беру для примѣра Черниговскую губернію. Она—одна изъ первыхъ, откуда задолго до „дней свободы" началась эмиграція кореннаго населенія въ Америку; одна изъ видныхъ по переселенческому движенію; она даетъ значительный отливъ на заработки и, сверхъ того, довольно достопримѣчательна по разнымъ видамъ аграрнаго и сельско-хозяйственнаго движенія,—за что страдала много и понынѣ страждетъ. Цифры же по недавно вышедшему статистическому сборнику мѣстнаго губернскаго земства („Цѣны на рабочія руки въ сельскомъ

хозяйствѣ") такія. Поденный заработокъ пѣшаго рабочаго во время уборки хлѣба: втеченіе 16 лѣтъ (съ 1882 по 1898 г.) держится въ среднемъ на одномъ уровнѣ—56 коп.; затѣмъ идетъ начало движенія, — цѣны поднимаются: 63 коп. къ 1901 г., 72 коп. къ 1904 г.; въ апогей движенія (1905—1907 гг.) цѣны достигаютъ максимальной высоты 75 коп.; затѣмъ, какъ извѣстно, изъ губерніи начинается обширное бѣгство (въ другія губерніи, въ Сибирь, эмиграція, на заработки); цѣны колеблются, но въ среднемъ (по 1910 г. включительно) остаются тѣ же—75 коп. въ день пѣшему рабочему во время уборки хлѣба. А плату во время сѣнокоса не удалось даже сдержать на достигнутой высотѣ: въ 1905—1907 гг. пѣшій рабочій получилъ 80 коп., въ 1908—1910 гг. только 78 коп. Надо при этомъ считать не только деньги, но и ихъ реальную стоимость:

> За послѣднія 17 лѣтъ — читаемъ въ сборникѣ — это повышеніе (платы рабочимъ) равнялось въ среднемъ 34%... За это же время цѣны на рожь возросли на 102%... Изъ этого сравненія цѣнъ на рабочія руки и на рожь слѣдуетъ, что хотя денежная заработная плата въ разсматриваемый періодъ времени повысилась, но реальная плата, выраженная въ количествѣ хлѣба, какое можетъ быть на нее пріобрѣтено, напротивъ, значительно понизилась (стр. 3).

Фактически даже въ апогей движенія, въ 1905—1907 гг. плата за трудъ не поднялась до того реальнаго уровня, на которомъ она была, напр., въ 1893 г. Съ 1906—1907 гг. началось, какъ извѣстно, быстрое вздорожаніе предметовъ первѣйшей необходимости. И реально плата за трудъ не удержалась на той высотѣ, какой она достигла въ 1905 г., а сильно сползла внизъ.

Разумѣется, не только въ Черниговской губерніи плата за трудъ отстаетъ отъ роста цѣнъ на продукты. Это, сколько извѣстно, явленіе общее, а въ Россіи—особенно послѣ 1905—1906 гг.—даже острое. Не расширять достигнутое приходится, а только удерживать: *не объ улучшеніи участи во многихъ случаяхъ* приходится вести рѣчь, а лишь о томъ, чтобы положеніе, признаваемое невыносимымъ, не стало еще невыносимѣе. Но и эта скромная задача чаще всего безнадежна. Часто—задача еще скромнѣе: рѣчь идетъ не объ улучшеніи экономическомъ, а всего лишь о недостаточной вѣжливости со стороны работодателя или его уполномоченныхъ, объ удаленіи какого-либо представителя заводской администраціи, оскорбившаго или систематически оскорбляющаго рабочихъ, т. е. борьба становится открыто выраженнымъ вопросомъ чести, по самому существу своему чуждымъ матеріальныхъ разсчетовъ... Да если *даже и есть явный матеріальный разсчетъ, то все-таки не всегда* именно онъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Предприниматель, положимъ, отказывается считать для себя обязательнымъ прежнее свое соглашеніе съ рабочими. (Такъ случилось, между прочимъ, съ сибирской фирмой Второва,—отказалась выполнять условія, выработанныя

тапныя „въ дни свободы“)... Дѣло тутъ не только въ самой матеріальной утратѣ. И честь вѣдь задѣта.

Нынѣ закрытый начальствомъ „Лучъ“ — органъ соціалъ-демократовъ меньшевиковъ—писалъ по поводу бывшихъ въ іюнѣ политическихъ забастовокъ протеста противъ суда надъ матросами:

Совершенно стихійно, безъ всякихъ признаковъ организаціи вспыхнула эта забастовка. Самый подозрительный полицейскій глазъ не откроетъ тутъ ни тѣни призыва. А... такъ называемые „агитаторы“ и „подстрекатели“, т. е. въ большинствѣ случаевъ попросту передовые рабочіе, въ данной забастовкѣ скорѣе шли за стихійнымъ порывомъ рабочей массы, чѣмъ руководили имъ. И такъ же стихійно, какъ лѣсной пожаръ, ползла забастовка съ одного предпріятія на другое.

Мнѣ уже не разъ приходилось отмѣчать стихійность движенія, ясно выраженную, напр., въ первыхъ забастовкахъ протеста противъ расправы на Ленѣ. Теперь приходится отмѣтить другое. Рекомые „агитаторы и подстрекатели“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только не подстрекаютъ, но и противятся,—убѣждаютъ рабочихъ воздержаться отъ боевыхъ выступленій, поберечь силы. Въ частности, многіе „агитаторы и подстрекатели“ убѣждаютъ не сопротивляться забастовками введенію новаго закона о больничныхъ кассахъ. Законъ двусмысленный, третьедумскій: съ одной стороны, онъ кое-что даетъ рабочимъ, съ другой,—отнимаетъ и то, что они имѣли. И „агитаторы съ подстрекателями“ говорятъ:

— Какъ ни плохъ законъ, но не бастуйте, не стоитъ, практически безполезно. Лучше сберечь силы для того, чтобы возможно полнѣе использовать положительныя стороны закона.

Но рабочая масса не слушается. „Бастуй, до какихъ же поръ терпѣть-то“. И протестъ противъ введенія закона о больничныхъ кассахъ является однимъ изъ злободневныхъ высказанныхъ мотивовъ нынѣшняго забастовочнаго движенія... Почему же рабочіе не слушаются подстрекателей? Существуетъ мнѣніе, высказанное въ разныхъ газетахъ, что происходитъ это отчасти по неразвитости рабочихъ: они новый законъ плохо знаютъ, а разъяснять его препятствуетъ полиція, а поскольку знаютъ, онъ даетъ имъ то, что они еще не умѣютъ цѣнить (право представительства), и отнимаетъ то, что они цѣнятъ (заставляетъ платить за многое, доселѣ получаемое отъ предпринимателей безплатно)... Если это такъ, то рабочіе не только неразвитые, но и глупые люди. Во-первыхъ, они просто не соображаютъ, съ какимъ рискомъ для нихъ сопряжена забастовка и сколько каждый изъ нихъ на ней потеряетъ; а потеряетъ-то, навѣрное, больше, чѣмъ придется заплатить въ больничную кассу за весь годъ. Во-вторыхъ, на чемъ можетъ быть основана надежда, что забастовкой удастся отбиться отъ новаго закона? Очевидно, явленіе сложнѣе, органичнѣе, ирраціональнѣе.

Нѣтъ надежды на практическій результатъ, а бастуютъ. Нѣтъ разсчета, а бастуютъ. Противятся люди, которымъ рабочая масса

вѣритъ и которые, какъ скоро увидимъ, умѣютъ руководить ею,— все-таки бастуютъ. Передъ нами что-то именно стихійное,— само изъ земли претъ... Я уже сказалъ, что подъ нынѣшнимъ броженіемъ есть солидный фундаментъ. На этомъ фундаментѣ можно бы соорудить постройку въ порядкѣ планомѣрной инициативы,— примѣрно такъ, какъ въ 1905 году былъ построенъ крестьянскій союзъ группой интеллигенціи, окрыленной надеждами. Но теперь нѣтъ надеждъ, способныхъ окрылить инициативу. Нѣтъ въ большинствѣ случаевъ и самой инициативы. Въ порядкѣ стихійнаго и вмѣстѣ органическаго процесса создавался фундаментъ. Въ томъ же, такъ сказать, самопроизвольномъ порядкѣ создается и надстройка.

III.

Наростала волна въ 1903—4 гг. Наростаетъ и теперь. Но тогда повышеніе активности шло одновременно и параллельно,— и въ верхахъ, въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, въ интеллигенціи, и въ низахъ,—въ рабочей и крестьянской массахъ. Мало того, интеллигенція стояла въ челѣ движенія. И даже потомъ, когда оно вышло изъ ея рукъ и направилось своими особыми путями—лишь отчасти гапоновскими и хрусталевскими — интеллигенція не утратила своей руководящей роли,—оформляла мысли, ковала лозунги, несла важную организаціонную работу. Теперь не то. Волна снизу растетъ. Въ образованномъ же обществѣ понынѣ преобладаютъ разбродъ и прострація. И о нынѣшнемъ движеніи нельзя сказать, что оно не удержалось въ рукахъ интеллигентныхъ верховъ. Оно и не было въ нихъ. Кое-какую оформленную и организаціонную роль играютъ лишь нѣкоторыя партійныя группы. Но, по признанію самихъ партійныхъ органовъ, онѣ слишкомъ слабы. Да и недостаточно авторитетны.

Движеніе стихійное, „безъ всякихъ признаковъ организаціи", безъ общепризнанныхъ авторитетныхъ вождей. Людскую массу,— даже регулярную армію, — когда она не имѣетъ вождей или теряетъ ихъ, постигаетъ печальный удѣлъ, — она разсыпается въ пыль, ея движеніе превращается въ хаотическое метанье. Но въ большинствѣ случаевъ хаотичности не наблюдается. И организаціи нѣтъ, и вождей нѣтъ, но движеніе имѣетъ характеръ довольно стройный. Значитъ, уже апріорныя соображенія побуждаютъ къ выводу: хотя вождей и нѣтъ, но есть, вѣроятно, вожаки,—организаторы и руководители мѣстнаго значенія. И, повидимому, основательные руководители. Общеизвѣстенъ примѣръ ленской забастовки: ни интеллигенціи, ни партій, но выдержка потрясающая, дисциплинированность изумительная. Не менѣе общеизвѣстны многочисленные примѣры политическихъ забастовокъ: ни подготовки, ни предварительнаго обсужденія, но „порядокъ, какъ въ

часовомъ механизмѣ". Во время послѣднихъ экономическихъ забастовокъ въ Лодзи мѣстная печать отмѣчала

необыкновенное спокойствіе и тактичность руководителей забастовки, протекающей въ строгомъ соотвѣтствіи съ законами и не дающей никакого повода къ какимъ-либо репрессіямъ противъ забастовокъ. („Русское Слово", 18. VI).

И это не въ одной Лодзи: сдержанность, умѣнье не впадать въ эксцессы, не поддаваться провокаціоннымъ вылазкамъ—черта общая. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это впечатлѣніе отъ цѣлаго нарушается. Такъ было, напр., съ забастовками на тверской морозовской мануфактурѣ. По первымъ свѣдѣніямъ, онѣ казались дикой непослѣдовательностью поступковъ. Вдругъ цѣлая смѣна не является на работу. Очевидно, забастовка. Проходитъ нѣкоторое время. И та же смѣна полностью приходитъ въ свои часы на работу. Очевидно, забастовка прекратилась. Но въ слѣдующія очереди смѣна не является, а затѣмъ снова приходитъ, какъ будто ничего не случилось. И такъ шло чередованіе, словно въ клавіатурѣ фортепьяно,—то одной смѣны нѣтъ, то другой; то одна является, то другая. Казалось бы, сумбуръ. Но затѣмъ

все объяснилось тѣмъ, что какой-то „законникъ" изъ рабочихъ увѣрилъ товарищей, что, если они не будутъ бастовать три дня къ ряду, „то ихъ не имѣютъ права разсчитать" („Русское Слово", 15 V).

Въ разсчетѣ на этотъ „законъ" и былъ введенъ порядокъ,—чтобы между двумя явками каждой смѣны на работу было меньше 3 дней... Очевидно, не только „толпа", но и ея „герои" повѣрили „законнику". Значитъ, есть основаніе полагать, что къ обязанностямъ полководца руководители, во всякомъ случаѣ, не подготовлены. Но въ качествѣ отдѣленныхъ начальниковъ они способны вызвать изумленіе. Рабочая масса весьма пестра. Всякіе люди въ ней есть. Есть, между прочимъ, достаточное количество алкоголиковъ. Есть много и просто любителей выпить. Едва-ли можно найти хоть одно крупное промышленное предпріятіе, куда не было бы „припущено" не малое число агентовъ охраны. Надо не забывать, далѣе, чрезвычайно нервное настроеніе среды во время забастовки. Замѣтьте притомъ, что сколько-нибудь обширныя приготовленія невозможны. Даже сговориться сообща нельзя. Можно лишь украдкой поговорить небольшими компаніями. Намѣчать при этихъ условіяхъ крайне сложные планы, надѣяться на то, что пестрыя массы людей будутъ двигаться точно, по росписанію,—казалось бы, безуміе, и тѣмъ не менѣе сложный планъ намѣченъ, проведенъ, пестрыя массы двигались точно по росписанію.

По разсказамъ лицъ, состоящихъ на службѣ въ администраціи одного изъ крупнѣйшихъ въ Россіи металлургическихъ предпріятій, мнѣ извѣстенъ планъ, еще болѣе сложный и, тѣмъ не менѣе, удачно выполненный. На одномъ изъ заводовъ этого предпріятія ра-

бочихъ нѣсколько тысячъ. Администрація завода имѣла свѣдѣнія о замышляемой забастовкѣ, знала, въ какой день она предполагается. Но какихъ-либо приготовленій не было замѣтно. А въ назначенный день рабочіе, какъ всегда, пришли по свистку и стали на мѣсто. Но черезъ часъ мастера забили тревогу: одна часть завода, въ особенности служебная (топки, кочегарни и т. д.), въ полномъ ходу, другая часть, въ особенности собственно производительныя мастерскія, какъ бы парализованы. „Народъ" въ полномъ порядкѣ стоитъ у станковъ, но „ремни на холостыхъ шкивахъ" и работы не производятся. Доложили директору. Директоръ отправился по мастерскимъ.

— Что у васъ дѣлается? Забастовка?

— Никакъ нѣтъ, мы забастовки не объявляемъ.

— А почему ремни на холостыхъ шкивахъ?

— Помилуйте, господинъ директоръ, - ежели станки пустить въ ходъ безъ работы, то что же можетъ выйти?

Можетъ выйти скверно,—ломка и порча... Директору высказали требованія; быстро выяснилось, что стачка общая, но организованная на основаніи тончайшаго спеціальнаго учета взаимозависимости между отдѣльными частями завода. Одни цехи взялись работать полнымъ ходомъ, другія—только аккуратно являться и стоять у станковъ. Въ результатѣ неминуемо довольно быстрое разстройство и закупорка. У администраціи явился свой разсчетъ: масса въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, разбросанная по мастерскимъ и не имѣющая явныхъ руководителей, запутается въ собственномъ планѣ. Втеченіе двухъ дней рабочіе выдержали. Болѣе долгаго срока не могли выдержать администрація и удовлетворила требованія, — кстати сказать, очень умѣренныя; рѣчь шла главнымъ образомъ о томъ, чтобы при введеніи больничныхъ кассъ у рабочихъ не отнимали того, что самъ заводъ считалъ до сихъ поръ справедливымъ предоставлять имъ.

Я спрашивалъ у разсказывавшихъ мнѣ объ этомъ членовъ заводской администраціи:

— Кто, по вашему мнѣнію, такую стачку организовалъ? Посторонніе?

— Гдѣ тамъ посторонніе? Вѣдь тутъ надо знать заводъ, какъ свои пять пальцевъ. Сами рабочіе устроили... Теперь среди нихъ много грамотѣевъ...

Дѣло, разумѣется, не только въ грамотѣяхъ. Много значитъ партизанская выучка, о которой сказано выше; много значатъ единство настроенія и инстинктъ дисциплины въ самой массѣ. И все-таки выполнена задача большой трудности...

Лѣтъ семь-восемь назадъ кое-гдѣ въ селахъ, отрѣзанныхъ отъ какого-либо интеллигентскаго руководительства, безыменнымъ и безвѣстнымъ людямъ удавалось рѣшать мудреныя задачи,—напр., сдержать возбужденную, озлобленную толпу отъ аграрнаго по-

грома, а силу возбужденія направить на организованный и планомѣрный учетъ окрестныхъ земель, произведенный въ цѣляхъ подготовки къ ожидавшейся тогда аграрной реформѣ. Эта работа была сдѣлана между прочимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Юго-Западнаго края самими крестьянами подъ руководствомъ и по инипіативѣ отдѣльныхъ наиболѣе грамотныхъ людей изъ среди тѣхъ же крестьянъ. Такой тактъ и такую силу обнаружили эти люди, что цѣлыя большія села недѣлями мѣрили землю, считали, обсуждали, и вообще подготовляли матеріалы для будущей Государственной Думы, хотя кругомъ все кипѣло и горѣло злобою дня... Но тогда были „дни свободы",—можно было собраться, обсудить, убѣдить, поговорить. Теперь нельзя ни собраться, ни обсудить сообща. А если нуженъ все-таки опасный въ полицейскомъ смыслѣ сговоръ, то, бываетъ, соберутся три мужика въ избу, затушатъ огонь, сползутъ подъ столъ и пошепчутся. Вотъ и всѣ сговоры. Тѣмъ не менѣе приходится читать и слышать,—въ волости или даже волостью организованъ, напр., бойкотъ... Надо же представить, что такое эта самая „волость", раздираемая всевозможными междоусобицами, до крайности перегруженная массой опухшихъ отъ голода и не малымъ числомъ опустившихся морально... Однакожъ, хоть и не такъ часто, но удается сплотить и направить къ одной цѣли эту человѣческую ораву... Очевидно, въ массѣ, стиснутой, лишенной необходимѣйшихъ условій организованнаго дѣйствованія, и впрямь есть элементы, способные цементировать и направлять людскую пыль.

Кто же эти элементы? Мы только что отмѣтили опредѣленіе ихъ образовательнаго уровня: „сами рабочіе", но „*грамотѣи*". Не образованные и не ученые, а всего лишь грамотные. Намъ уже знакомо опредѣленіе „Луча": „*передовые* рабочіе". Этимъ подчеркивается направленіе ума, образъ мыслей. Есть болѣе обширное и почти общепринятое опредѣленіе. „Изъ среды самого народа"—пишетъ, напр., „Вятская Рѣчь"—выдѣлилась особая „народная интелигенція":

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ, въ каждой деревнѣ, въ каждомъ медвѣжьемъ углу народилась теперь такая интеллигенція, близкая и чуткая къ народнымъ нуждамъ и стремленіямъ, понятная самому народу. Къ ней прислушиваются, за ней идутъ...

Несомнѣнно, есть эта особая порода людей... Образованіе у нихъ малое, но по стремленію къ высшимъ, интеллектуальнымъ интересамъ они стоятъ выше средняго уровня. Выше средняго уровня у нихъ жажда справедливости, чувство чести, готовность самопожертвованія... Словомъ, они выпечены изъ того же тѣста, изъ какого выпекается вся вообще интеллигенція. Но, по общеизвѣстнымъ причинамъ, эти люди не могли получить образованія, соотвѣтственнаго ихъ способностямъ и потребностямъ. Поэтому ихъ

называютъ „*народной* интеллигенціей“, вообще или, въ частности, „крестьянской“ „рабочей“. На большой сценѣ эта интеллигенція не новичокъ. Ея дебютъ былъ въ 1905 г. Но тогда народная интеллигенція шла, держась за старшую сестру и подъ ея руководствомъ. Теперь младшей сестрѣ приходится опять выступать на большой аренѣ, но, по необходимости, самостоятельно и почти безъ руководителей. Она стоитъ не внѣ массы, пришедшей въ движеніе, а внутри ея, и уже поэтому она участвуетъ въ движеніи. Безъ сомнѣнія, ей принадлежитъ въ немъ одно изъ выдающихся и руководящихъ мѣстъ. „Къ ней идутъ“,—ибо къ кому кромѣ пойдешь? „За нею идутъ“, —ибо она выше среды, дальше и лучше видитъ.

IV.

Народная интеллигенція — явленіе мало изслѣдованное. И только что сказанное о ней, боюсь, многими можетъ быть понято, примѣрно, такъ:

— Есть, дескать, рабочая и крестьянская интеллигенція, она состоитъ изъ крайнихъ лѣвыхъ, распредѣляется по крайнимъ лѣвымъ партіямъ и занимается тѣмъ, что организуетъ и проводитъ забастовки и бойкоты...

Конечно, не только изъ крайнихъ лѣвыхъ состоитъ; многіе вовсе не крайніе, скорѣе ихъ можно назвать „прогресистами-демократами“, чѣмъ лѣвыми радикалами; въ крайнихъ лѣвыхъ партіяхъ народную интеллигенцію не помѣстишь; и занимается она дѣлами вообще житейскими, весьма разнообразными, на забастовки и бойкоты уходитъ лишь часть силъ,—при случаѣ, между прочимъ... Ради нѣкотораго поясненія рѣшаюсь привести любопытный отзывъ о „грамотѣяхъ“ одного изъ администраторовъ того предпріятія, забастовка на которомъ выше описана. При разговорѣ съ этимъ администраторомъ меня интересовалъ „деликатный“ и слишкомъ практическій вопросъ: „грамотѣи“, какъ выражался мой собесѣдникъ, на мѣстахъ, конечно, замѣтны,—выросши, не спрячешься; и вотъ мнѣ хотѣлось узнать, почему собственно ихъ терпятъ, хотя они и находятся въ предѣлахъ досягаемости. На мои разспросы объ этомъ я и услышалъ слѣдующее:

— Какъ вамъ сказать... Конечно, не изъ гуманности. Вы меня извините. Всѣ хорошія слова мы знаемъ. Но наше положеніе наглое: капиталъ и трудъ, молотъ и наковальня. Либо уходи, либо хорошія слова забудь. Церемониться нельзя. Если видимъ среди рабочихъ пропагандиста,—изъ такихъ, знаете ли, что въ „народъ ходятъ“,—безъ разговоровъ немедленно къ разсчету. А вотъ этихъ-то, грамотѣевъ нынѣшнихъ... И видимъ, и знаемъ почти всѣхъ поименно, но... Вы говорите: почему? Позвольте отвѣтить примѣромъ. Акціонеры рѣшаютъ ввести гвоздарное производство. Мы ставимъ оборудованіе. Выписываемъ мастеровъ. Въ большія сотни

тысячъ все это влетѣло. Выпускаемъ гвоздь на рынокъ. Со всѣхъ сторонъ жалобы,—оловянные гвозди, въ дерево не лѣзутъ, подъ молоткомъ гнутся. Коротко говоря, получаемъ обратно 30 вагоновъ гвоздей,—цѣлый поѣздъ. Скандалъ... Все оборудованіе хоть брось. Это было нѣсколько лѣтъ назадъ. А теперь мы выпускаемъ гвоздь, по нашему мнѣнію, лучшій въ Россіи. Почему? Да потому, что нашъ рабочій изъ этихъ нынѣшнихъ грамотѣевъ изобрѣлъ способъ закалки... Отъ другого такого же грамотѣя мы недавно получили станокъ, самъ изобрѣлъ. Идеальнѣйшій станокъ. Удешевляетъ спеціальную работу на 75%. Знаете,—за послѣдніе 3—4 года мы отъ грамотѣевъ получили не менѣе десятка цѣннѣйшихъ секретовъ производства и изобрѣтеній... Образованія на грошъ,—два года въ церковной школѣ грамотѣ учился, до остального самоучкой доходилъ. А талантовъ на милліоны... У насъ въ заводскомъ дѣлѣ сложные случаи на каждомъ шагу. Часто такъ складывается, что голову теряешь. Случай трудный, рискованный, — кого поставить въ нарядъ? Ну, разумѣется, ихъ, грамотѣевъ—они что-нибудь придумаютъ. И придумываютъ. А мы ихъ, хоть и знаемъ, но бережемъ... Я—старый заводской волкъ. 25 лѣтъ съ народомъ воюю. И чѣмъ больше воюю, тѣмъ больше люблю. Дьявольски-талантливый народъ. Другого такого, пожалуй, и нѣтъ... Въ прежніе годы бывало, что ни самый талантливый рабочій, то горькій пьяница. За пьянство бы его минуты держать нельзя. А мы годами держимъ и большое жалованье платимъ. Теперь вижу другое: что ни самый талантливый рабочій, то „интеллигентъ", хорошими словами, какъ пороховой погребъ, начиненъ. Знаемъ, что врагъ... Но, во-первыхъ они всѣ враги, — рабочіе-то. А затѣмъ... Представьте, у васъ курица несетъ золотыя яйца. Вы ее, надѣюсь, сосѣду не бросите. Ястребъ появится,—и отъ ястреба побережете. Не правда ли?..

Эти, такъ сказать, коммерческія соображенія нѣсколько прикрашиваютъ политику предпринимателей. Хоть и несетъ курица золотыя яйца, но не такъ ужъ рѣдко она попадаетъ въ „черные списки", разсылаемые организаціями предпринимателей по фабрикамъ и заводамъ... Говоря вообще, съ младшей сестрой повторяется исторія сестры старшей, хотя и съ нѣкоторыми различіями. Старшую, въ качествѣ, напр., третьяго элемента, одновременно и привлекали на службу, и ненавидѣли, и преслѣдовали, и защищали. То же и съ младшей. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда стали возвращаться первыя партіи сосланныхъ въ 1905—1906 гг., между заводчиками и полиціей произошли пререканія, — заводчики охотно принимали многихъ вернувшихся на работу, полиціи это не нравилось. Но полицейскія соображенія настолько не вяжутся съ жизнью, что бывшихъ политическихъ ссыльныхъ, какъ уже извѣстныхъ мастеровъ своего дѣла, принимали на работу и нѣкоторые казенные заводы. Теперь въ виду забастовокъ, пререканія обо-

стрились. Полиція настойчивѣе требуетъ не допускать и удалять лицъ, возбуждающихъ сомнѣнія въ смыслѣ политической благонадежности. Заводчики и фабриканты выражаютъ недовольство. И въ то же время сами обмѣниваются „черными списками“, хотя въ ихъ же средѣ отношеніе къ проскрипціямъ нѣсколько двусмысленно. Московскій районъ „черные списки“ вообще пріемлетъ. Но въ томъ же московскомъ районѣ весьма охотно принимаютъ и даже переманиваютъ рабочихъ изъ Лодзи, гдѣ они подвергнуты локауту. Въ отдѣльныхъ случаяхъ (напр., на прядильной фабрикѣ Вофси) это вызываетъ даже забастовки: старые, „русскіе“ рабочіе требуютъ себѣ тѣхъ же условій, какими привлекаютъ „поляковъ“. То же и въ лодзинскомъ районѣ. Значительное число фабрикантовъ объявило локаутъ. И какъ разъ во время локаута нѣкоторыя фабрики повысили расцѣнку; этимъ способомъ можно привлечь на свое производство рабочихъ, стоящихъ выше средняго уровня, а отъ среднихъ и ниже среднихъ предпріятіе всегда имѣетъ возможность освободиться безъ шума.

Старшую сестру, просто интеллигенцію, какъ ни стараются отовсюду выживать, но вполнѣ выжить не удается,—даже на государственной службѣ порою терпятъ интеллигентовъ, и притомъ завѣдомо для охранной полиціи „неблагонадежныхъ“,—нельзя обойтись безъ ихъ знаній и талантовъ. Но таланты и знанія старшей сестры нужны для особо тонкихъ культурныхъ потребностей. При общеизвѣстномъ отношеніи къ культурѣ многія изъ этихъ потребностей легко игнорировать. Такъ и поступлено, напр., съ статистикой. Таланты и знанія младшей сестры, народной интеллигенціи, нужны для дѣлъ не столь тонкихъ. Необходимость въ ней конкретнѣе, а потому и неотразимѣе.

Конечно, далеко не всѣ „грамотѣи“ обладаютъ талантами. Но есть, мнѣ кажется, много вѣрнаго въ замѣчаніи „стараго заводскаго волка“:

— Бывало, что ни самый талантливый рабочій, то горькій пьяница, а теперь, что ни самый талантливый, то интеллигентъ...

Давно тому, примѣрно въ концѣ 80-хъ годовъ, одинъ „самородокъ“ (какихъ, дѣйствительно, много въ Россіи), въ концѣ концовъ погибшій отъ пьянства, на мое предложеніе взять и прочесть „хорошую книжку“ горько отвѣтилъ мнѣ:

— Книжки, книжки... Читалъ я ихъ, братъ. Тамъ все пишутъ... Страдаютъ и умираютъ за хорошее дѣло да за хорошихъ людей... Я, можетъ, тоже хочу умереть. Да вишь, намъ съ тобою, братъ, не за кого умирать. И не за что. Я вотъ все гляжу,—не будетъ ли кто, на мое счастье, утопать либо горѣть. Тогда, можетъ, и мнѣ пошлетъ Богъ блаженную кончину...

Одна изъ самыхъ ужасныхъ чертъ прошлаго: прямая дорога талантливымъ людямъ низовъ была закрыта; оставаясь внизу, они обыкновенно не находили соотвѣтствующаго ихъ потребностямъ и

способностямъ дѣла; безпросвѣтныя стояли времена,—даже умереть было не за что. Прямая дорога и теперь не открыта. Времена во многихъ отношеніяхъ еще болѣе ужасныя. Но не безпросвѣтныя. Все-таки видно, за что, въ случаѣ крайности, можно хоть только умереть. „Самородковъ" изстари тянуло къ книжкамъ, къ самообразованію, къ вмѣшательству въ общее дѣло, изстари они изобрѣтали перпетуумъ-мобиль, и т. д. Но въ темнотѣ только рѣдкому изъ нихъ удавалось попасть на нужную тропу. А какъ разсвѣло, тропинки-то стали виднѣе. И пошелъ самородокъ впередъ...

Въ былыя времена некуда было дѣться человѣку съ мыслями, возбужденными прочитанной книжкой. Теперь и среда иная. Въ ней возникло множество вопросовъ и запросовъ; и если она замѣчаетъ знающаго и близкаго ей человѣка, то сама пристаетъ къ нему: скажи, укажи, объясни, растолкуй, научи. Люди сами пристаютъ къ знающему человѣку... И получается, приблизительно, то же, что бываетъ во времена большихъ религіозныхъ движеній... Когда движеніе окрѣпнетъ, оформится, тогда возникаютъ организованныя ячейки, которыя и выбираютъ себѣ наставниковъ и вѣроучителей. Но въ начальныя времена никакихъ организованныхъ ячеекъ нѣтъ. Мысль только бродитъ. И „не стадо выбираетъ пастыря", а „возлѣ пастыря собирается стадо",—отдѣльный человѣкъ, способный имѣть вліяніе и авторитетъ, является какъ бы центромъ кристаллизаціи. Такъ какъ у насъ происходитъ движеніе по преимуществу соціально-политическое, то и вся схема получаетъ по преимуществу соціально-политическое значеніе.

Грамотѣи занимаютъ свое мѣсто по праву. Въ промышленномъ предпріятіи они нужны самому работодателю. Нужны и рабочимъ. Они часто учатся сами, почти всегда у нихъ учатся другіе. Они выполняютъ многое другое. Въ нужныхъ случаяхъ они являются офиціально избранными представителями среды. Въ повседневномъ быту они просто вліятельные и авторитетные товарищи,—центры кристаллизаціи по сферамъ личныхъ вліяній и авторитетовъ. И такъ какъ одни изъ нихъ стремятся довершить образованіе, другіе что-то изобрѣтаютъ, третьи ушли въ культурную работу, четвертые обременены семейными обязанностями,—то „грамотѣямъ" часто не до забастовокъ. Но случись, напримѣръ, конфликтъ съ предпринимателемъ... Явись потребность въ нѣкоемъ общемъ дѣйствіи... Масса не организована. Сговориться невозможно. Но тамъ два-три человѣка поговорили, здѣсь два-три поговорили. И людская пыль оказывается единымъ цѣлымъ. Навязывать ей что-либо извнѣ вообще нельзя. Но оформить и направить возникающія въ ней самой потребности и чувства,—грамотѣи могутъ и умѣютъ.

До нѣкоторой степени то же и въ селахъ. Но крестьянская среда вообще шире, необъятнѣе. И возможности въ ней сложнѣе

„Крестьянская интеллигенція",—центръ и вождь „молодой деревни" „новаго крестьянства", — уже не менѣе десяти лѣтъ, помимо всякихъ другихъ своихъ дѣлъ, ведетъ противъ „старой деревни" борьбу за мѣстную власть. Въ 1905—6 гг. эта борьба была особенно энергичной и привела къ значительнымъ побѣдамъ. Во многихъ мѣстахъ „молодая деревня" провела своихъ людей въ старшины, старосты и т. д. Но затѣмъ пришли команды и разметали „молодую деревню". Тутъ бы и конецъ ей. Оказалось однако, что драгонадами разметали далеко не все. Многія изъ занятыхъ „молодой деревней" позицій она удержала. Ее стали выжимать и вытѣснять дополнительными мѣропріятіями. И что ни годъ, то выжиманіе и вытѣсненіе производится энергичнѣе, откровеннѣе... Словомъ, опять-таки повтореніе судебъ старшей сестры,—всемѣрно изгоняютъ, и съ тѣмъ же ограниченіемъ; но безъ нея не могутъ обойтись... Имѣются, напр., такія свѣдѣнія. Въ составъ „нашей" землеустроительной комиссіи—пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ „Русскихъ Вѣдомостей" (25. VII), къ сожалѣнію, не называя мѣста, о которомъ идетъ рѣчь,—

всего выбрано шесть человѣкъ: трое непосредственно крестьянами, трое земскимъ собраніемъ. Всѣ по происхожденію крестьяне. При томъ крестьяне „изъ передовыхъ", что доказывается уже тѣмъ, что всѣ въ дни свободъ „потерпѣли": одинъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ высланъ за предѣлы губерніи; другой больше года находился въ ссылкѣ; третій около полутора лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ; четвертый также высылался, остальные двое отбывали наказаніе въ арестномъ домѣ за нарушеніе обязательнаго постановленія...

Такихъ не только выбираютъ, но порою и допускаютъ. И по очень простой причинѣ. „Нужны до зарѣзу" толковые и грамотные люди; а среди толковыхъ и грамотныхъ людей въ деревнѣ, случается, бывшіе ссыльные, на оцѣнку начальства, допустимѣе, чѣмъ въ ссылкахъ не бывшіе. И, разумѣется, не для однихъ землеустроительныхъ комиссій нужны люди. Въ прежнія, хотя и недавнія, времена на мѣстѣ, напр., старшины или старосты хорошъ былъ „всякій мужикъ",—лишь бы у него была „представительная борода", да умѣлъ онъ „хлопать печатью". Теперь на одной бородѣ далеко не уѣдешь. Въ деревняхъ пришлось допустить, а отчасти, по казнымъ финансовымъ и политическимъ соображеніямъ, даже поощрять кредитныя, потребительныя и производительныя организаціи; пришлось расширить вопросы матеріальной культуры (до такихъ „крайностей", какъ, напр., сооруженіе сельскихъ водопроводовъ); пришлось допустить болѣе широкую постановку народнаго образованія, — идетъ напряженная постройка школъ низшихъ, во многихъ мѣстахъ возникаютъ начальныя школы высшаго типа (по прежней терминологіи, городскія училища), возникаютъ и среднія школы; самое землеустройство до крайности осложнило жизнь,— уже оно не позволяетъ сельскимъ должностнымъ лицамъ полагаться на традиціи, обычаи и писарей; надо самому знать многоразличныя

новшества, понимать ихъ и примѣнять къ такимъ условіямъ и обстоятельствамъ, которые отцамъ и дѣдамъ не снились. Посади на отвѣтственную должность безтолковаго малограмотнаго мужика, онъ, пожалуй, самого земскаго начальника запутаетъ; запутаетъ инспекцію по дѣламъ мелкаго кредита; съ нимъ запутаются чиновники крестьянскаго банка... И не съ одними старостами и старшинами стало много сложнѣе. Всевозможныя кредитныя кассы, товарищества, общества, артели, во множествѣ возникшія за послѣдніе годы, также вѣдь требуютъ людей не только толковыхъ и сообразительныхъ, но и грамотныхъ, а, главное, обладающихъ талантомъ быстро пріобрѣтать необходимыя знанія и владѣть ими. Многое вѣдь у насъ создается такъ же, какъ создавалась въ свое время, напр., оцѣночная статистика: ничего нѣтъ, — ни людей, ни знаній, ни опыта, но все должно немедленно быть... Коротко говоря, — съ одной стороны „молодую деревню" гонятъ, съ другой—создается доселѣ небывалый и при томъ въ значительной мѣрѣ офиціальный спросъ на тѣ именно таланты, которыми она по преимуществу обладаетъ и которыхъ нерѣдко, кромѣ нея, найти не у кого. И что съ нею ни дѣлаютъ, какъ ее ни опустошаютъ, но ея положеніе укрѣпляется. Она продвигаетъ свои позиціи, расширяетъ сферу вліянія, проводитъ, куда можно, своихъ людей... Прежній интеллигентный крестьянинъ днемъ навозъ возилъ, вечеромъ подъ ругань отца или сердитую воркотню жены книжки читалъ. Разнесчастный, никому не нужный былъ человѣкъ, — казалось, куры надъ нимъ смѣются. Нынѣ онъ также возитъ навозъ и также по вечерамъ книжки читаетъ, но меньше; некогда ему,—онъ нерѣдко членъ правленія такого-то общества, членъ ревизіонной комиссіи такой-то кассы, мірской учетчикъ, десятидворникъ, вообще человѣкъ съ офиціальнымъ положеніемъ, а иногда и съ офиціальной властью, какъ должностное лицо... Конечно, все это — лишь первые всходы большой молекулярной работы. Кое-гдѣ еще и всходовъ нѣтъ. Кое-гдѣ, наоборотъ, уже не только всходы, но и цвѣточки. Ягодокъ только нѣтъ. Ягодки—впереди. Каковы онѣ будутъ, поживемъ—увидимъ. А пока, — если въ томъ мѣстѣ, гдѣ всходы окрѣпли, возникаетъ почему-либо потребность общаго дѣйствованія, то до нѣкоторой степени можно надѣяться, что она не перекипитъ, не перебродитъ, не сгонитъ людей въ хаотическую толпу, не отдастъ въ руки случайныхъ „героевъ", не подчинитъ случайнымъ вскрикамъ бѣшенства. Все-таки есть кому перенять огонь, предотвратить „безсмысленный русскій бунтъ", направить массовую силу на осмысленныя дѣйствія. И уже предотвращаютъ. Два-три мужика подъ столомъ пошепчутся, двое на овинѣ потолкуютъ, трое въ лѣсъ за дровами съѣздятъ, — глядишь, и нѣтъ „безсмысленнаго бунта", а есть, напр., какой бы то ни былъ, но осмысленный бойкотъ. Массовая сила все-таки попадаетъ въ несовсѣмъ случайныя руки; ее

направляетъ, хоть и не вооруженная большими знаніями, а все-таки по существу интеллигентная мысль.

Не приходится гадать, каковы будутъ дальнѣйшія судьбы нынѣшняго движенія. Мнѣ казалось полезнымъ вскрыть, по мѣрѣ силъ, лишь его основные устои. Подъ нимъ, повторяю, есть огромный фундаментъ. Оно само вовсе не случайно, а выростаетъ органически. А, сверхъ того, въ немъ имѣется естественный командный составъ. Онъ не пришелъ со стороны, не упалъ сверху,—растетъ, какъ и все движеніе, снизу.

V.

Законодательная сессія окончена Государственной Думой 25 іюня, Государственнымъ Совѣтомъ—4 іюля. Совѣтъ окончилъ сессію полемическимъ выпадомъ противъ Думы:

Представляется совершенно невозможнымъ — заявилъ въ особой рѣчи предсѣдатель Государственнаго Совѣта Акимовъ передъ самымъ закрытіемъ послѣдняго въ сессіи засѣданія 4 іюля—пропускать бюджетъ въ концѣ первой половины года, на который бюджетъ ассигнуется. Еще менѣе нормально отношеніе законодательныхъ собраній къ дѣлу сооруженія портовъ... Правительство исполнило свой долгъ, представивъ своевременно, въ октябрѣ 1912 г., подлежащія представленія, между тѣмъ всѣ эти законопроекты (о сооруженіи портовъ) поступили въ Государственный Совѣтъ лишь на этихъ дняхъ, когда значительная часть строительнаго сезона уже прошла. Такого рода отношеніе къ насущнымъ нуждамъ нашего отечества представляется совершенно немыслимымъ (цит. по „Русскимъ Вѣдомостямъ", 5. VII).

Этотъ упрекъ изумилъ даже „Новое Время". Г. Меньшиковъ отвѣтилъ на него:

Указывая съ такимъ торжествомъ на сучокъ въ глазу Государственной Думы, Государственный Совѣтъ могъ бы похвастаться бревномъ и даже цѣлымъ лѣснымъ складомъ въ собственныхъ старческихъ глазахъ.

„Брошенную перчатку поднялъ" предсѣдатель Думы г. Родзянко и въ бесѣдѣ съ сотрудниками газетъ предъявилъ Государственному Совѣту встрѣчныя обвиненія, гораздно солиднѣе обоснованныя фактически... И такимъ образомъ каникулярное затишье ознаменовалось и еще однимъ „конфликтомъ",—конфликтомъ вслѣдствіе несолидной и не имѣющей видимаго внѣшняго повода полемической вылазки М. Г. Акимова. (Какъ извѣстно, президіумъ IV Думы систематически пресѣкалъ попытки депутатовъ критически освѣтить дѣятельность Государственнаго Совѣта). Есть однако причины внутреннія; именно нетактичность и несолидность вылазки обнаруживаетъ, до какой степени недовольны и раздражены Думой верхи бюрократіи, олицетворяемые Государственнымъ Совѣтомъ.

Недовольно и правительство. Втеченіе послѣдняго мѣсяца оно демонстративно бойкотировало Думу. А въ заключительный день каникулярнаго роспуска подчеркнуло свою непріязнь особеннымъ способомъ, — для интеллигенціи, быть можетъ, нѣсколько комическимъ, но съ бюрократической точки зрѣнія очень значительнымъ.

Третья Дума держалась обычая послѣ сессіи служить благодарственный молебенъ. На этомъ офиціальномъ торжествѣ неизмѣнно присутствовали представители правительства,—являлись какъ бы проститься съ депутатами, высказать имъ благія пожеланія. Отслужила благодарственный молебенъ послѣ сессіи и IV Дума. Но представители правительства на сей разъ не явились. И это, какъ отмѣтили, напр., „Русскія Вѣдомости", „обратило на себя общее вниманіе". Отмѣченъ газетами и другой штрихъ, съ бюрократической точки зрѣнія также краснорѣчивый. Молебный чинъ правитъ думское духовенство. И до сихъ поръ въ концѣ молебна возглашалось многолѣтіе Думѣ. Послѣ нынѣшней сессіи благодарственный молебенъ отслуженъ также думскимъ духовенствомъ,—епископомъ Анатоліемъ въ сослуженіи съ нѣсколькими священниками-депутатами. Молебенъ они отслужили, но многолѣтія Думѣ не возгласили.

„Натянутыя отношенія Думы съ министрами сказались даже въ этомъ"— говорили по этому поводу депутаты („Русскія Вѣдомости", 26. VI).

Недовольно начальство Думой. До раздраженія недовольно, до готовности устраивать демонстраціи, не всегда удобныя... Бѣда сама по себѣ не велика. Въ иныхъ, и при томъ не очень рѣдкихъ случаяхъ это даже хорошій признакъ, если начальство сердится. Гораздо хуже, что недовольна и страна; недовольство Думою есть и у историческаго антагониста нашихъ сановниковъ, — въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ прогрессивнаго русскаго общества. Конечно, четвертая Дума — все-таки не третья. Все-таки она „провела—какъ выразился К. К. Арсеньевъ въ „Вѣстникѣ Европы"— нѣкоторую демаркаціонную черту между политикой министерства стремленіями народа", все-таки она осудила общее направленіе правительственной политики. Но за этой оговоркой остается совершенно опредѣленная оцѣнка „положительныхъ результатовъ". Положительныхъ результатовъ, по выраженію того же К. К. Арсеньева, „мало, очень мало".

Первая сессія IV Думы—писали „Русскія Вѣдомости" (27. VI)—является совершенно исключительной по своей безплодности. Въ ея итогѣ мы не имѣемъ ни одного сколько-нибудь новаго закона, и даже подготовительная коммиссіонная работа шла въ Думѣ въ истекшемъ парламентскомъ году чрезвычайно вяло и медленно... Засѣданія (общія) происходили рѣдко...

Не утѣшительнѣе отзывы и многихъ другихъ органовъ. Резюмируя ихъ, „Рѣчь" писала (1. VII):

Дума 3 іюня могла уже привыкнуть къ плохой прессѣ, но такого единодушнаго осужденія до сихъ поръ не наблюдалось. Рѣшительно всѣ органы печати соединились въ общемъ хорѣ недовольства результатами думской дѣятельности, и при томъ не столько результатами ея работы, сколько общимъ направленіемъ ея или, вѣрнѣе, отсутствіемъ направленія.

Вся вообще „Дума 3 іюня", конечно, „могла бы привыкнуть къ

плохой прессѣ". Но нѣкоторымъ отдѣльнымъ фракціямъ надо привыкать. Вотъ, напр., ариѳметическій подсчетъ „Голоса Москвы" (26. VI) подъ конецъ сессіи:

Оппозиція была представлена въ Думѣ всего 47%, тогда какъ правые и націоналисты сумѣли удержать 73% своего состава. Октябристы до послѣднихъ дней оставались въ составѣ приблизительно 60%.

Оппозиція, не имѣвшая до недавняго времени безусловно плохой прессы, въ IV Думѣ дала наиболѣе высокій процентъ депутатовъ-абсентеистовъ. На нѣкоторыхъ засѣданіяхъ, и при томъ весьма отвѣтственныхъ, напр., во время постановки холмскаго законопроекта, она имѣла менѣе половины своего состава. Отчасти поэтому правые и націоналисты получили возможность провести нѣкоторыя желательныя имъ рѣшенія. До сихъ поръ оппозицію упрекали въ ошибкахъ, излишнемъ оппортунизмѣ или радикализмѣ, съ нею вели тактическіе споры. Теперь рѣчь идетъ о совершенно элементарныхъ вещахъ. И лѣвой половинѣ Думы приходится выслушивать такія, напр., сентенціи:

Что это за школьничество — не досидѣть до конца сессіи... Такая небрежность заслуживаетъ всякаго порицанія... Оппозиціонные депутаты должны быть всегда на мѣстахъ. Гдѣ гарантіи, что въ концѣ сессіи въ общей массѣ вермишели не будетъ поднесено... важныхъ государственныхъ вопросовъ... („Русское Слово", 23. VI).

Никто не въ правѣ требовать чудесъ. Но оппозиція не сдѣлала даже того, что она могла сдѣлать, оставаясь на избранномъ ею самой тактическомъ пути. То же и со всею Думой... Ни одного изъ основныхъ вопросовъ она не рѣшила. Да и трудно было бы требовать отъ нея рѣшенія ихъ. А въ данномъ случаѣ не о важныхъ вопросахъ приходится говорить. Неотразимы упреки опять таки чисто элементарнаго свойства,—работали вяло, плохо, законопроекты пропускались кое-какъ, комками, пачками, немаловажное среди пустяковъ, безъ обсужденія, иногда съ явнымъ нарушеніемъ наказа, а кое-когда рѣшенія принимались даже при отсутствіи кворума... Отсюда, разумѣется, вовсе не слѣдуетъ, что депутаты четвертаго созыва лѣнтяи или неспособны къ труду. Но мы пока говоримъ лишь о фактѣ, не входя въ объясненія его.

Недовольна страна. Недовольна и сама Дума своей дѣятельностью. Именно *Дума*, вся, цѣликомъ, а не только отдѣльныя группы:

Не говоря уже объ оппозиціи разныхъ оттѣнковъ, — пишетъ, напр., „Кіевская Мысль"—нѣтъ положительно ни одной думской фракціи, которая могла бы съ удовлетвореніемъ оглянуться на истекшую думскую сессію. Недоволенъ Крупенскій, съ такимъ жаромъ... принявшійся (въ началѣ сессіи) за организацію группы центра... Недовольны націоналисты... Недовольны октябристы...

У IV Думы, по выраженію „Дня",

не было друзей, ни одно изъ направленій не считало себя отвѣтственнымъ за думскую работу, и всѣ отъ IV Думы открещиваются, точно всѣмъ она чужая, всѣмъ она постылая.

Можно бы не принимать слишкомъ въ-серьезъ словесную критику, исходящую, напр., отъ фракцій, которыя составляли нѣкогда, въ III Думѣ, правительственное большинство. Онѣ вѣдь нѣчто утратили. Но словесной критикой дѣло не ограничивается. У цѣлаго ряда депутатовъ, напр., не обнаружилось желаніе оставаться въ Думѣ,—одни уже сложили полномочія, другіе заявили о своемъ намѣреніи сложить ихъ въ ближайшемъ будущемъ. Характерно при этомъ: у людей различной партійности мотивы оказываются довольно однообразными. Депутатъ отъ Кіевской губерніи націоналистъ Безакъ сложилъ, напр., полномочія потому, что находитъ работу въ IV Думѣ безплодной; по его мнѣнію, лучше „вполнѣ отдаться возложеннымъ на него обязанностямъ губернскаго предводителя дворянства“ [1]). Члены группы центра,

херсонскій депутатъ Пищевичъ и саратовскій Готовицкій объясняютъ свое намѣреніе сложить полномочія невозможной атмосферой гнета и давленія въ Государственной Думѣ. Чтобы достойно отвѣтить правительству на его отношеніе къ Государственной Думѣ,—говоритъ Готовицкій—нужно уйти влѣво. Я этого сдѣлать не могу и предпочитаю сложить полномочія. („Русскія Вѣдомости“, 19.VI).

Прогрессистъ Зюзинъ, депутатъ Костромской губ., намѣренъ сложить полномочія вслѣдствіе „пессимистическаго отношенія“:

по его мнѣнію, участіе въ работахъ этой Думы безплодно; Дума обречена на безплодное существованіе, пока правительство не воплотитъ въ дѣло свои слова о совмѣстной работѣ, и пока не выяснится опредѣленный политическій курсъ („Русское Слово“, 2.VII).

Націоналистъ Безакъ, какъ мы видѣли, предпочелъ мѣстную дѣятельность предводителя дворянства законодательной работѣ члена Государственной Думы. Повидимому, такое же настроеніе обнаружилось и у прогрессиста кн. Урусова: онъ былъ не только рядовымъ членомъ Думы, но и товарищемъ ея предсѣдателя; по избраніи въ предсѣдатели ярославской губернской земской управы кн. Урусовъ сложилъ свои депутатскія полномочія.

Надо сказать правду,—поскольку рѣчь идетъ объ основныхъ офиціальныхъ обязанностяхъ Думы (охрана законовъ дѣйствующихъ и участіе въ созданіи законовъ новыхъ), мнѣніе о безплодности становится очень убѣдительнымъ... Конечно, и „Дума 3 іюня“ до нѣкоторой степени старается охранять силу дѣйствующихъ законовъ. Все-таки запросы въ ней принимаются. При нарушеніи закона провинціальными администраторами депутаты нерѣдко частнымъ порядкомъ предстательствуютъ въ канцеляріяхъ и де-

[1]) „Голосъ Москвы“, 21 іюня.

партаментахъ, безпокоятъ министровъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ не безъ успѣха безпокоятъ. Но въ цѣломъ-то какой толкъ? Нечего говорить о провинціальныхъ администраторахъ. Даже въ центрѣ... „Законъ“ о военно-медицинской академіи осудили въ Думѣ; его отказался опубликовать сенатъ; о немъ неодобрительный отзывъ (уже на каникулахъ) дала правительственная „Россія“. А „законъ“. какъ ни въ чемъ ни бывало, продолжаетъ дѣйствовать. Недавно „Новое Время“ огласило, что мѣстами, „въ видѣ опыта“ „уже больше года“ назадъ введенъ въ дѣйствіе законопроектъ о реформѣ полиціи, еще не обсужденный окончательно вѣдомствомъ, а потому и не внесенный въ совѣтъ министровъ... Словомъ, черновой набросокъ вѣдомства, никому не извѣстный и никакихъ законодательныхъ стадій не прошедшій, объявленъ „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ“ закономъ,—и ничего, имѣетъ дѣйствительную силу... Тутъ плоды трудовъ по охранѣ законнаго порядка. Тутъ и рѣшеніе вопроса о законодательныхъ правахъ Думы. Фактически отъ основныхъ официальныхъ обязанностей и правъ остается „законодательствованіе, по скольку сіе заблагоразсудится начальству“. Это немного, но все-таки нѣчто. Съ самаго начала—еще во время выборовъ — высказывалась надежда на возможность провести законы, противъ коихъ начальство ничего имѣть не будетъ—такъ сказать, аполитическіе, „безпартійные“; они, дескать, хотя и не способны излечить основные недуги, но имѣютъ важное техническое значеніе. Одинъ изъ такихъ законовъ въ проектѣ—о торговой несостоятельности—былъ заготовленъ заранѣе. И предполагалось, что онъ будетъ однимъ изъ „дѣловыхъ гвоздей“ сессіи. А въ концѣ сессіи депутатамъ часть печати послала упрекъ: даже съ законопроектомъ о торговой несостоятельности не справились... Мнѣ уже приходилось писать, что этотъ проектъ, на первый взглядъ не имѣющій прямого отношенія къ боевымъ политическимъ злобамъ, въ дѣйствительности оказался тѣсно связаннымъ съ ними; онъ возбудилъ общій вопросъ о причинной зависимости между отсутствіемъ правопорядка и высокимъ процентомъ торговыхъ несостоятельностей; онъ вызвалъ острыя разногласія между торговцами и промышленниками, желающими расширить компетенцію „выборныхъ людей“, и „бюрократами“, принципіальными противниками выборнаго начала. Приходилось мнѣ писать и о томъ, какими способами пытались устранить политическій раздоръ по этому, казалось бы, неполитическому поводу: отъ разсмотрѣнія законопроекта была удалена торговая думская коммиссія, освѣдомленная въ житейскихъ деталяхъ вопроса; законопроектъ направили только въ судебную коммиссію, гдѣ его и принялись обсуждать съ формально юридической точки зрѣнія. На сей разъ не удался этотъ излюбленный маневръ третьей Думы—упрощать задачи, отрывать спеціальные вопросы законодательства отъ общеправовой основы—встрѣтилъ довольно серьезное противодѣйствіе. И вопросъ затормозился. Третьей Думѣ такія упрощенія удавались.

Но вѣдь теперь фактически подтверждено, къ чему они приводятъ. Извѣстно, напр., чѣмъ кончилась попытка оторвать спеціальный вопросъ объ охранѣ рыбныхъ богатствъ отъ общеправовой базы. Задушили самую мысль о томъ, что эту охрану надо возложить на обязанность и отвѣтственность мѣстныхъ общественныхъ государственно-правовыхъ организацій, подчиненныхъ извѣстнымъ началамъ общественнаго же контроля. Третья Дума предпочла углубиться въ ихтіологическіе вопросы,—когда какую рыбу можно ловить, съ какого возраста, и какъ аршиномъ опредѣлить, достигла ли пойманная рыба указаннаго въ законѣ совершеннолѣтія... Въ результатѣ получился законъ 9 мая 1911 г. для каспійско-волжскаго района. Недавно его попытались примѣнять, но вслѣдъ затѣмъ его дѣйствіе было пріостановлено. Дума ли запуталась въ дебряхъ ихтіологіи, чины ли мѣстнаго надзора сфальшивили, или рыбопромышленники изобрѣли каверзу,—пока сказать трудно. Но командированная начальствомъ, въ виду тревожныхъ вѣстей съ мѣстъ, ученая экспедиція, руководимая старшимъ зоологомъ академіи наукъ проф. Книповичемъ, пришла къ выводу, что фактически новый законъ не охраняетъ рыбныя богатства, а способствуетъ скорѣйшему исчезновенію ихъ [1]). Не менѣе краснорѣчива судьба другого такъ называемаго нефтяного закона,—объ охранѣ и сдачѣ въ аренду нефтяныхъ земель. Самъ по себѣ при иныхъ общихъ условіяхъ онъ, быть можетъ, былъ бы не плохъ. Но у насъ первые же торги по этому новому закону весною нынѣшняго года завершились скандаломъ. Компаніи международныхъ дѣльцовъ черезъ подставныхъ лицъ заявили офиціально о своемъ желаніи добыть на сдаваемыхъ въ аренду нефтяныхъ участкахъ кондиціонное количество нефти, сдать ее безплатно въ казну, а, сверхъ того, заплатить казнѣ за каждый пудъ этой нефти до 40 коп... И само „Новое Время" увидѣло въ этихъ дикихъ предложеніяхъ, между прочимъ, прямой разсчетъ на чудовищное въ Россіи казнокрадство, на продажность чиновниковъ и на заинтересованность разныхъ петербургскихъ особъ въ международныхъ нефтяныхъ аферахъ. „Гладко было на бумагѣ, да забыли про овраги". А овраги-то ой какіе. Спекулянтъ, по соображеніямъ „Новаго Времени", можетъ снимать цѣлый рядъ участковъ, напр., только для того, чтобы на нихъ не добывалась нефть,—не было помѣхи нефтяному голоду и паденію вздутыхъ нефтяныхъ цѣнъ. По закону за это штрафъ. Но что значитъ законъ, если спекуляцію поддерживаютъ нѣкоторые крупные сановники? Не даромъ даже октябристскою печатью усвоена мысль, которую часто повторяетъ депутатъ В. А. Маклаковъ: дѣло не столько въ законахъ, сколько въ нынѣшнемъ состояніи исполнительной власти. Пока исполнительная власть не „реформирована", законы безсильны. А „реформировать" исполнительную власть...

---

[1]) „Русская Молва", 6 іюня.

Во-первыхъ, допустить это подлежащіе реформированію, разумѣется, не заблагоразсудятъ. А, во-вторыхъ, существуютъ не только препоны правительства и Государственнаго Совѣта. Губернскій предводитель дворянства Ф. Н. Безакъ созналъ безплодность думской работы, сложилъ полномочія, и, не сомнѣваюсь, согласится съ нами, что, по крайней мѣрѣ, казнокрадство и беззаконіе вредны, не должны быть терпимы... Но отсюда еще не слѣдуетъ, что Ф. Н. Безакъ согласится также на тѣ реформы, какія необходимы, чтобы дѣйствительно сократить казнокрадовъ и беззаконниковъ... Пусть лично г. Безакъ и согласится. Но вѣдь въ „Думѣ 3 іюня" есть цѣлыя группы съ внутренне-противорѣчивой соціальной структурой: и терпѣть беззаконія и неустройства мочи нѣтъ, и упразднить условія, питающія беззаконіе, нельзя,—групповой интересъ не позволяетъ. И уже по этой причинѣ создается сложное депутатское положеніе. Съ одной стороны, обидно,—несомнѣнное законное право игнорируютъ. Съ другой, правительство мѣшаетъ. Съ третьей,—толку нѣтъ. Съ четвертой,—и вся Дума вялая, разбрелась, „тоскуетъ",—„плакучій парламентъ". А съ пятой, частенько и самъ критически настроенный депутатъ хорошъ: не дѣлаетъ и того, что можно бы и нужно бы сдѣлать; и не по одной вялости настроенія; иному, повторяю, и групповой интересъ не позволяетъ дѣлать то, что, во имя общегосударственнаго блага, можно и должно сдѣлать.

VI.

Дума не только законодательное и правоохранительное собраніе. Она—политическій факторъ общаго значенія. Говорятъ, правительство въ разбродѣ,—раздирается на части междоусобными реакціонными вліяніями. Въ такіе моменты уже простая опредѣленность законодательной палаты есть особо важное политическое дѣйствіе. Какая бы то ни было опредѣленность—лѣвая или правая—вообще импонируетъ. Быть опредѣленной величиной въ моменты разброда значитъ нерѣдко быть властной величиною, а иногда владѣть рулемъ корабля. Но именно опредѣленности-то IV Дума и не предъявила. Наоборотъ, она предъявила крайнее шатаніе. Самое большинство ея перемѣнное; рѣшенія подобны качанію маятника. И это, конечно, порокъ органическій,—порокъ не столько Думы, сколько „Россіи 3 іюня:" въ одной части она является исторически отжившимъ тѣломъ; соціальная структура другой внутренно противорѣчива... Основной порокъ, но не единственный

Кромѣ Думы, какъ цѣлаго, есть отдѣльные депутаты и фракціи. Они также не только законодательствуютъ, но и вообще политически дѣйствуютъ. При извѣстныхъ условіяхъ такимъ политическимъ дѣйствіемъ могло быть, напр., даже нынѣшнее сложеніе полномочій цѣлымъ рядомъ депутатовъ по мотивамъ, какъ мы ви-

дѣли, довольно однообразнымъ: оставаться безплодно, правительство давитъ, и т. д. Изъ этого пока никакого политическаго дѣйствованія не вышло. Не не вышло прежде всего потому, что мотивы-то извѣстны намъ изъ газетъ, частнымъ образомъ, по разсказамъ и пересказамъ третьихъ лицъ, хотя депутаты, слагая полномочія, имѣютъ право и возможность лично объяснить свой шагъ. Да, пожалуй, и обязаны дать такое объясненіе,—по крайней мѣрѣ, избирателямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясненіе и логически необходимо. Совершилось, напр., почти поголовное сложеніе полномочій депутатами Калужской губерніи. Частнымъ образомъ, изъ газетъ, извѣстно, что это сдѣлано съ вѣдома и согласія избирателей,—вѣрнѣе, даже по требованію избирателей, выраженному впервые еще до открытія Думы,—на губернскомъ избирательномъ собраніи. По газетнымъ свѣдѣніямъ, выборщики и сами депутаты находили этотъ шагъ необходимымъ, какъ протестъ противъ давленія администраціи на выборахъ. Газеты много писали объ этомъ протестѣ, когда онъ только предполагался. Пишутъ и теперь. Но собственно протестующихъ не видать. Сами избиратели офиціально ничего не говорятъ. Калужскіе депутаты постепенно слагали полномочія,—трое сдѣлали это въ серединѣ іюля, во время каникулъ. По газетнымъ сообщеніямъ, сложившіе полномочія намѣрены вновь баллотироваться. Комментаторы увѣряютъ, что происходящее есть протестъ. Но вѣдь это толкованіе, которому можно вѣрить, но можно и не вѣрить. Протеста, т. е. возраженія формально предъявленнаго, фактически нѣтъ. Есть лишь нѣкоторый политическій пантомимъ,—повидимому, онъ что-то выражаетъ но, можетъ быть, и ничего не выражаетъ.

Въ IV Думѣ не только нѣтъ политическихъ дѣйствій, которыя могли бы быть,—даже тѣмъ, видимо, политическимъ дѣйствіямъ какія въ ней происходятъ, иногда придается характеръ случайныхъ эпизодовъ. Правда, есть другія политическія дѣйствія, совершаемыя въ ней,—которыя не только не затушевываются, но даже подчеркиваются. Надо однако, сказать, что частенько даже эти подчеркиваемыя дѣйствія кастрируются самими дѣйствующими. Г. Крупенскій въ союзѣ съ извѣстными депутатами организовалъ правительственную фракцію. Плохо это или хорошо,—вопросъ иной. Сдѣланъ все-таки опредѣленный политическій шагъ. Но затѣмъ онъ немножко замаскированъ,—не правительственная фракція, а независимая „группа центра“. Затѣмъ группа центра осудила общій курсъ правительственной политики; затѣмъ кое-кто изъ членовъ группы сложилъ полномочія и частнымъ образомъ мы узнали, что это сдѣлано вслѣдствіе поведенія правительства; и въ то же время по многимъ голосованіямъ въ Думѣ отъ начала и до конца сессіи эта группа оставалась по преимуществу правительственной. Соотвѣтственно, мы имѣемъ національную фракцію, „осудившую“ „національный курсъ“. Мы имѣемъ крестьянскихъ

депутатовъ, вступившихъ во фракцію правыхъ, а затѣмъ вошедшихъ въ особую безпартійную крестьянскую группу. Какъ члены фракціи, они идутъ объ руку съ Пуришкевичемъ, какъ члены группы—противъ Пуришкевича; и это иногда по однимъ и тѣмъ же вопросамъ,—напр., о церковно-приходскихъ школахъ. Такая же метаморфоза совершается съ нѣкоторыми членами національной фракціи, вошедшими въ составъ безпартійной земской группы,—тамъ они „зубры", здѣсь—сторонники либеральныхъ началъ земскаго положенія 1864 г.... Политика дѣлается... Но это политика самоотрицанія и самоопороченія. Тутъ много значитъ все тотъ же органическій порокъ 3 іюня: представительство, въ основу котораго положены исторически отжившіе слои и внутренно-противорѣчивые интересы. Печать много говорила и о прямомъ лицемѣріи отдѣльныхъ депутатовъ и фракцій. Несомнѣнно, и оно имѣетъ значеніе. Но, сверхъ всего этого, въ IV Думѣ особенно почувствовался и важный организаціонный порокъ — не закона 3 іюня, а всей системы, связанной съ этой хронологической датой.

У одного изъ поволжскихъ депутатовъ, священника, корреспондентъ мѣстной газеты „Вольской Жизни" попросилъ объяснить нѣсколько щекотливую странность. Этотъ депутатъ (фамилію его опускаю) въ Думѣ приписался къ фракціи націоналистовъ. Но избиратели считали его не націоналистомъ. На предложенные по этому поводу вопросы онъ отвѣтилъ такъ:

— Нужно знать тѣ тяжелыя условія зависимости и надзора, въ которыхъ находится думское духовенство. Примыкать къ опозиціоннымъ партіямъ для депутатовъ-священниковъ рискованно. Я остановился на той, которая первоначально называлась умѣренно-правой, а уже послѣ переименовалась въ партію націоналистовъ. Могу сказать только одно моимъ избирателямъ, что я въ своихъ убѣжденіяхъ не измѣнился, и кто меня какимъ зналъ, пусть таковымъ и считаетъ, не обращая вниманіе на партійность (Цит. по „Кіевской Мысли", 30 VI).

Такіе резоны со стороны политическаго дѣятеля — а членъ законодательнаго собранія таковымъ и долженъ быть—требуютъ категорическаго осужденія. Сегодня къ депутату явились отъ прогрессивной газеты, и онъ говоритъ:

— Не обращайте вниманія на мою думскую дѣятельность, — я съ нею не согласенъ.

Завтра придетъ сотрудникъ реакціонной газеты или отецъ благочинный, и столь же легко сказать:

— Не обращайте вниманія, что пишетъ еврейская печать...

Не будемъ однако строгими судьями. Нынѣшніе депутаты, по самому характеру дѣйствующаго избирательнаго закона, въ значительномъ числѣ не столько политическіе дѣятели, сколько обыватели. Къ обывателямъ вообще надо предъявлять болѣе снисходительныя требованія. А въ данномъ случаѣ обыватели, взявшіеся писать законы для государства съ 150-милліоннымъ населе-

ніемъ, находятся въ совершенно исключительныхъ условіяхъ. И дѣйствіе этихъ условій начинается уже во время избирательной кампаніи.

По буквѣ закона, выборы свободны,—избиратели имѣютъ право обсудить свои нужды, кандидатъ можетъ, а по существу и обязанъ, изложить свои взгляды. Но еще во время выборовъ въ первую Думу буква закона была превращена какъ бы въ ловушку. Уже тогда, въ 1906 г., кандидаты за изложеніе своихъ взглядовъ стали подвергаться вполнѣ опредѣленнымъ послѣдствіямъ: устраненіе, заточеніе, раззореніе семьи и т. д. Съ переходомъ отъ одной избирательной кампаніи къ другой, этотъ порядокъ становился откровеннѣе. И вскорѣ оказалось, что кандидату не надо даже вступать въ пространныя объясненія, — достаточно опредѣлить свою партійность или существо своихъ воззрѣній тѣмъ или инымъ общеизвѣстнымъ терминомъ, и „готово дѣло“ по 129, а то и по 102 ст. Уголовнаго Уложенія, вполнѣ обезпечено мѣсто въ „крѣпости“, въ раіонахъ ссылки, а если судъ не найдетъ „смягчающихъ обстоятельствъ“, то и въ каторжной тюрьмѣ. Порядокъ судебный примѣнимъ въ случаяхъ, такъ сказать, положительнаго опредѣленія. Порядокъ административный помогаетъ улавливать и тѣхъ, кто не остережется отъ опредѣленій отрицательныхъ. Если кандидатъ, не объясняя своихъ мнѣній, заявитъ себя лишь убѣжденнымъ противникомъ тѣхъ политическихъ группъ, побѣду которыхъ администрація считаетъ желательной или терпимой, то результаты могутъ получиться опять-таки хорошо извѣстные: устраненіе, разъясненіе, рядъ моральныхъ и матеріальныхъ невзгодъ... Въ такую же мышеловку превратилась и буква закона о депутатской неприкосновенности, о парламентской свободѣ слова и мнѣній. Не будемъ вспоминать, чѣмъ заплатили за эту свободу депутаты первыхъ двухъ созывовъ, — изъ нихъ многіе буквально легли костьми. Но вотъ третья Дума — „законопослушная“, одобряемая правительствомъ и помогающая ему бороться съ „врагами внутренними“... Депутатъ въ Думѣ разговариваетъ, онъ свободно называетъ себя соціалъ-демократомъ, трудовикомъ, конституціоналистомъ-демократомъ. А тамъ, на мѣстѣ, нажимаютъ на его семью, на его родственниковъ, подрываютъ его хозяйство... Мало-по-малу добираются до него самого,—отыскиваютъ въ его прошломъ поводы и основанія, достаточныя для того, чтобы привлечь, устранить, разъяснить... Пока расплата за свободу въ Думѣ требовалась отъ лѣвыхъ или кадетовъ, такъ называемыя правительственныя фракціи не обнаруживали безпокойства,—до нихъ-де очередь не дойдетъ. Дошла однако очередь и до нихъ. По окончаніи полномочій III Думы расплатились за свою депутатскую дѣятельность и нѣкоторые изъ октябристовъ, — напр., г. Каменскій въ Екатеринославской губерніи, г. Васичъ въ Орловской. Затѣмъ оказалось, что поведеніе

членовъ III Думы вообще замѣчено, какъ-бы записано въ книгу живота, и о послѣдствіяхъ своихъ давно забытыхъ думскихъ рѣчей и голосованій даже по мелкимъ, второстепеннымъ вопросамъ нѣкоторые бывшіе депутаты узнаютъ только теперь. Беру одинъ изъ примѣровъ. Третьедумецъ священникъ Екатеринославской губ. М. Н. Дмитріевъ пожелалъ занять должность законоучителя въ одной изъ частныхъ гимназій. Въ отвѣтъ на ходатайство объ этомъ получился указъ консисторіи отъ 12 февраля 1913 г. за № 4972.

... Объявить бывшему члену Государственной Думы священнику Дмитріеву, что *поведеніе* его при обсужденіи въ коммиссіи вопроса о церковно-приходскихъ школахъ, гдѣ онъ сталъ на сторону враговъ этихъ школъ, заставляетъ епархіальное начальство смотрѣть на него, какъ на человѣка, неустойчиваго въ своихъ пастырскихъ убѣжденіяхъ. Поэтому поручить ему самостоятельно вести такое серьезное и отвѣтственное дѣло, какъ законоучительство въ среднемъ учебномъ заведеніи, епархіальное начальство не находитъ возможнымъ и находитъ необходимымъ имѣть постоянный и неослабный надзоръ за дѣятельностью этого священника. Въ этихъ цѣляхъ онъ можетъ занять мѣсто приходскаго священника въ двухъ- или трехклирномъ приходѣ, гдѣ бы настоятель постоянно имѣлъ надъ нимъ наблюденіе... („Русское Слово", 9. IV).

Замѣтьте,—учтено не общее „поведеніе", а всего лишь отдѣльный случай,—одинъ разъ что-то сказалъ о. Дмитріевъ о церковныхъ школахъ, и при томъ сказалъ *въ коммиссіи*, въ закрытомъ засѣданіи. И западня захлопнулась. Былъ или нѣтъ въ этомъ засѣданіи коммиссіи представитель вѣдомства, мы не знаемъ, но синодъ извѣщенъ, консисторіи написано, человѣкъ отданъ подъ „постоянный и неослабный надзоръ", его будущее, благосостояніе его семьи опредѣлено,—по особой снисходительности начальства, можетъ быть только младшимъ священникомъ въ приходѣ подъ спеціальнымъ наблюденіемъ отца настоятеля и, стало быть, въ совершенной зависимости отъ настоятельскаго усмотрѣнія... Четвертая Дума началась урокомъ, нагляднымъ и краснорѣчивымъ: бывшій епископъ кременецкій Никонъ не успѣлъ даже воспользоваться парламентской свободой. Онъ — крайній правый; какъ депутатъ, онъ ничего не совершилъ ни въ общихъ засѣданіяхъ, ни въ коммиссіи. Но лишь только изъ предварительнаго обмѣна мнѣній во фракціи правыхъ выяснилось намѣреніе епископа Никона поднять вопросъ о бѣдственномъ состояніи крестьянства, западню захлопнули; преосвященный сразу лишился ценза, по которому былъ избранъ, былъ назначенъ подальше, въ Сибирь; тамъ, кстати, черносотенное народолюбіе епископа Никона не столкнется съ интересами крупнаго землевладѣнія... Конецъ сессіи ознаменовался важнымъ принципіальнымъ рѣшеніемъ по „дѣлу" депутата А. С. Салазкина. „Преступленіе" г. Салазкина состоитъ въ томъ, что онъ записался въ конституціонно-демократическую фракцію. Конечно, у насъ въ Таврическомъ дворцѣ „оазисъ свободы",—запи-

сывайся куда хочешь, хоть въ соціалъ-демократы, преступленія въ этомъ нѣтъ. Но „есть послѣдствія“. А они предусмотрѣны „циркуляромъ совѣта министровъ отъ 14 сентября 1906 года“. Циркуляръ этотъ запрещаетъ лицамъ, которыя состоятъ на государственной и общественной службѣ, вступать въ противоправительственныя партіи. До сихъ поръ онъ къ членамъ Думы и, въ частности, къ тому же г. Салазкину, уже бывшему депутатомъ (во II Думѣ), не примѣнялся.. Но это значитъ лишь, что пора примѣнять. И рязанское губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе постановило: „за неисполненіе“ означеннаго циркуляра (оффиціальный мотивъ) отстранить А. С. Салазкина отъ должности касимовскаго городского головы... Почему бы не устранить А. С. Салазкина и отъ должности предсѣдателя нижегородскаго биржевого ярмарочнаго комитета? Ужъ, если отстранять, такъ отстранять,—отовсюду. И не одного, конечно, г. Салазкина,—есть, вѣдь, и другіе законодатели, „не исполнившіе циркуляра“. А затѣмъ есть другой циркуляръ: за принадлежность къ противоправительственнымъ партіямъ на должности не допускать. Можно и еще много всякихъ циркуляровъ написать,—дѣло-то не трудное.

Это не все... Конкрекно надо считаться не столько вообще съ правительствомъ, сколько съ отдѣльными сановниками. Въ первую сессію извѣстной и довольно значительной группѣ депутатовъ надо было сообразоваться съ видами и предположеніями, положимъ, г. Саблера. Примѣнительно къ этимъ видамъ, желательно и не опасно вести себя такъ-то. Есть однако другіе сановники и властныя вліянія, до нѣкоторой степени антагонистичныя г. Саблеру. Одному что-либо не нравится, — могутъ быть послѣдствія, весьма непріятныя; но вѣдь, если и другому власть имущему лицу что-либо не понравится, то также можетъ выйти нехорошо. Сановники мѣняются. Въ одну изъ дальнѣйшихъ сессій на мѣстѣ г. Саблера можетъ оказаться другое лицо, и вполнѣ возможно, что оно станетъ оцѣнивать „поведеніе“ депутатовъ иначе, — то, что нынче считается похвальнымъ или безразличнымъ, завтра можетъ оказаться предосудительнымъ и достойнымъ кары. Наконецъ, помимо властей столичныхъ, есть власти мѣстныя, ведущія нерѣдко свою „политику“. Г. Саблеру понравилось, но архіерею нѣтъ, или — г. Саблеру и архіерею кажется безразличнымъ, но секретарь консисторіи вознегодовалъ. Даже секретарь консисторіи взыщетъ,—и найдетъ для того поводы, не указывая прямо на непріятную ему думскую дѣятельность. И не однимъ думскимъ батюшкамъ приходится нести иго этой „свободы“. Октябристъ г. Васичъ, депутат III Думы, правительства, кажется, не обижалъ, всего лишь кое-кого изъ чиновъ своей губерніи задѣлъ,—„разъяснили“ на выборахъ. А онъ—видный мѣстный дѣятель, помѣщикъ. О рабочихъ и крестьянскихъ депутатахъ говорить нечего. Нѣкото-

рые изъ нихъ въ 1912 г. на пасхальныхъ вакаціяхъ — передъ заключительной сессіей III Думы—ходили къ родственникамъ и знакомымъ „прощаться“, — навсегда прощаться, ибо были увѣрены, что имъ, какъ только кончатся думскія полномочія и „неприкосновенность“, пощады не будетъ... Поскольку съ этимъ были связаны предположенія о моментальныхъ послѣдствіяхъ — заключеніяхъ, ссылкахъ и т. д.,—они далеко не вполнѣ оправдались. Но невзгоды медленнаго, будничнаго, повседневнаго выматыванія души до ниточки стали извѣстны кое-кому. И выматываютъ душу даже не для расплаты за содѣянное, а просто такъ... Идетъ оффиціальный или оффиціозный прохожій. Видитъ бывшаго депутата.

— А, ты былъ неприкосновенный, министровъ критиковалъ, запросы вносилъ,—такъ вотъ же тебѣ, получай.

Конечно, жизнь сильнѣе воли начальниковъ. Не смотря ни на что, на выборахъ многіе кандидаты идутъ подъ опредѣленно партійнымъ и при томъ лѣвымъ флагомъ, а въ самой Думѣ существуютъ явно противоправительственныя фракціи и рѣдкое засѣданіе обходится безъ противоправительственныхъ заявленій и предложеній, вносимыхъ не только слѣва, но и справа. Но, разумѣется, тактика репрессій не остается безрезультатной. Уже на выборахъ рядомъ съ кандидатами, идущими подъ своимъ и притомъ лѣвымъ флагомъ, есть другіе кандидаты, которые прикрываются чужимъ флагомъ,—называютъ себя оффиціально „правыми“, „консерваторами“, и лишь частнымъ образомъ избирателямъ, да и то немногимъ, наиболѣе вліательнымъ, извѣстно, что эта правизна „тактическая“,—чтобы избѣжать устраненій и „разъясненій“. И развѣ не было такихъ же приспособленій къ обстоятельствамъ въ III Думѣ,—напр., среди крестьянъ и духовенства? А, вѣдь, депутаты четвертаго созыва еще больше научены опытомъ и подвергаются еще болѣе откровеннымъ послѣдствіямъ.

А затѣмъ, нельзя же сказать, что на тактикѣ политическихъ дѣятелей строгаго закала эта система вовсе не отражается. Уже на выборахъ даже они не все то говорятъ и дѣлаютъ, что должно бы сказать и сдѣлать. Случается и такъ: кандидатъ не скрываетъ своей лѣвой партійности, но на избирательныхъ собраніяхъ лично не выступаетъ и даже въ печати не рѣшается выступать отъ своего имени и за своею подписью. И не изъ страха, не по недостатку гражданскаго мужества, а на основаніи учета возможностей: избирательныя права этого кандидата настолько неоспоримы, что просто вычеркнуть его изъ списковъ трудно; но, если произнести хоть нѣсколько словъ публично, то можетъ возникнуть „дѣло“, напр., по 129 ст. угол. уложенія. Пусть это будетъ вздорное дѣло. Впослѣдствіи, быть можетъ, сама прокуратура прекратитъ его. Но въ моментъ выборовъ человѣкъ все-таки будетъ отстраненъ, какъ привлекаемый по статьѣ, поражающей избирательныя права. Столь же сложныя положенія возникаютъ и въ Думѣ. Выше отмѣчена одна

изъ странностей: „цѣлая губернія“ вдругъ слагаетъ депутатскія полномочія,—по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ знакъ протеста, но мотивы и причины офиціально не оглашены. Почему именно не оглашены,—мы не знаемъ. Но объективное различіе между послѣдствіями протеста молчаливаго и протеста политически оформленнаго вполнѣ понятно. Молчаливый протестъ не безпокоитъ начальниковъ. И, можно думать, не вызоветъ новыхъ треній и спеціальныхъ нажимовъ на законъ. Но если протестъ шумный, начальство также молчать не станетъ, произведетъ контръ-атаку; ея размѣры и послѣдствія не предугадаешь, но обыкновенно въ такихъ случаяхъ терпятъ немалый уронъ тѣ общественныя учрежденія и начинанія, къ которымъ ближайше причастны протестанты. И такъ какъ подобный конфликтъ непремѣнно отразится на судьбѣ мѣстныхъ начинаній и учрежденій, а, въ частности, вѣроятно, и на коллегіи выборщиковъ, то депутатамъ нельзя не сообразоваться съ желаніями и настроеніями избирателей и, вообще, мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей...

Даже по отношенію къ политическому дѣятелю, скованному столь основательно и грубыми административными, и деликатными общественными узами, трудно быть требовательнымъ. Какой же опредѣленности можно спрашивать съ депутата-обывателя? И какъ требовать опредѣленности хотя бы только отъ фракцій возможнаго правительственнаго большинства? Ни одна изъ нихъ не можетъ быть вполнѣ тѣмъ, чѣмъ она есть въ дѣйствительности. И едва-ли не у всѣхъ ихъ есть инородныя подмѣси.

А. Петрищевъ.